

АЙД МУС
СКАЗАНИЕ ДЖЕУДЖИРО

Айд Мус

Сказание Джеуджиро

«Издательские решения»

Мус А.

Сказание Джеуджиро / А. Мус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933882-2

В темных шахтах города Аркфар, скрытого в глубинах горы, многие поколения рудокопов добывают «живые камни» в обмен на жалкие средства к существованию. Юному Гирнгримгрону, с детства обреченному на каторжный труд в шахтах, такой порядок вещей не нравится, и однажды он решает не подчиняться надзирателям. Оказываясь заточенным в одной из пещер, бунтарь неожиданно для себя отправляется исследовать ранее неизведанные глубины Аркфариэла, за пределами которых он откроет удивительный и таинственный мир.

ISBN 978-5-44-933882-2

© Мус А.

© Издательские решения

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сказание Джеуджиро

Айд Мус

Дизайнер обложки Иван Михайлович Шмелёв

Редактор Валентин Алексеевич Иванов

© Айд Мус, 2019

© Иван Михайлович Шмелёв, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-3882-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Развитый разум бессмертен, ибо знания передаются существами от одного к другому и даруют познающим истину. Пока лжецы и невежды погибают, сменяя друг друга, познающие и развивающиеся продолжают жить и даровать миру смысл

Лэндар Гвазаир Уц

1

– Гирнгримгрон! – в сыром коридоре раздался грозный голос Драмдрудора – Если ты опять пытаешься уйти от работы, я брошу тебя в сырую яму! И ты будешь в ней чахнуть, пока Ирао не озарит ущелье своим светом семнадцать раз!

Худощавый и бледнокожий юноша Гирнгримгрон вскочил с каменного и холодного лежака, на котором он беззаботно спал, уваливая от работы, и, схватив кирку, бросился прочь из своего жилища. За пределами пещерной комнатухи, похожей на нору, его ожидали холодные и серые глубины горы Аркфариэл. Там в безмерном, пустом пространстве были раскинута каменистые тропы, едва освещенные синеватыми фонарями, вдоль которых располагались норы обитателей Аркфара. По одной из каменных троп приближался бородастый, но такой же бледный, здоровяк Драмдрудор.

Гирнгримгрон побежал в другую сторону, пытаясь скрыться от взора назойливых надсмотрщиков. Его босые ноги касались холодных троп, устлавших каменистые переулки Аркфара. Но холод камня был ему безразличен, ведь он, как и другие жители гигантской пещеры, не ведал тепла, таящегося за ее пределами и считавшегося смертоносным для них.

Он прибежал в шахту, где трудились остальные рудокопы, старательно добывая «живые камни». Аркфариэцы были убеждены, что нет ничего ценнее и крепче этих камней, которые можно было обменять на что угодно. Камни назывались живыми, поскольку источали тепло, подобно живому существу, а на месте добытой руды, новая, образовывалась на удивление быстро, по Аркфариэйским меркам. Опустевшая шахта, могла заполниться «живой рудой» в течение одного поколения. Таким образом, если отцы покидали выработанную шахту, их внуки могли зайти в нее и начать добычу вновь образовавшейся руды.

Гирнгримгрон вернулся к тому месту, где тщетно пытался отбить у горы большой кусок драгоценной руды. Сперва, он обтерся пылью и грязью, чтобы другие думали, словно он работал. Затем поднял над собой кирку, и каменные осколки полетели в разные стороны, иногда попадая ему в лицо. Гирнгримгрон был самым худощавым среди всех рудокопов, и порой, когда он замахивался киркой, она перевешивала его, и он пятился назад, но ему удавалось сохранить равновесие и нанести очередной удар по твердой горной породе. С каждым разом, когда он поднимал кирку, желание работать у него пропадало, и он постоянно искал возможность избежать этой непростой работы.

– Гирнгримгрон! – за спиной раздался грозный голос Драмдрудора.

– Ну что опять? – спросил тот, претворившись уставшим и утирая пот со лба. – Неужели смена заканчивается? А ведь я так увлечен работой...

– Мне ты можешь не лгать – возмутился Драмдрудор. – Хоть у тебя это неплохо получается, но меня ты не обманешь. Я видел, как ты убежал.

– Я и не собирался тебя обманывать, – произнес Гирнгримгрон. – Я просто проверял твою бдительность. Я долго ждал тебя в своем жилище, чтобы убедиться, что ты и в самом деле присматриваешь за рудокопами, а не просто так ходишь по шахте целыми днями. Но желание работать оказалось сильнее, и я покинул жилище, пока ты не пришел.

Драмдрудор усмехнулся.

– Не будь я при жизни знаком с твоим отцом, – твердил он, – я бы не стал кричать твоего имени. Я бы просто подкрался к твоей норе и застал бы тебя спящим и тонущим в луже собственных слюней. И сейчас на твоей голове было бы одним ухом меньше.

– Я, конечно, благодарен тебе за беспокойство, – поклонившись и держа руку у груди говорил Гирнгримгрон, – но не мог бы ты...

Драмдрудор взял его за ухо и сильно, но бережно, приподнял.

– Юнец глупец, – твердил он в оттянутое ухо, – не вздумай мне дерзить. Ведь ты не высшей крови! Если Аркханес узнает о твоём поведении, он твоей наглости терпеть не станет и бросит тебя в яму, вовсе без еды. Я единственный из Драм, кто вообще с тобой милосерден. Будь хоть немного благодарен.

Он оттолкнул Гирнгримгрона в сторону. Тот, держась за ухо, стыдливо опустил голову.

– Если Аркханес вдруг узнает, что я милосерден к одному из Гирн, то меня постигнет участь Драмкурэна, сосланного в мрачные чертоги древней шахты за то, что он возлюбил женщину крови Гирн.

– Драмдрудор, ведь очевидно, что я не имею сходства с кровью Гирн. Иные Гирн, сильны и могут лучше справляться с тяжелой работой, в отличие от меня. А я бываю настолько слаб, иногда даже бессилён, что, возможно, не гожусь в рудокопы.

– Не отрекайся от родства. Ты Гирнгримгрон крови Гирн, и роль твоя в Аркфаре быть рудокопом, помни это. Либо будешь работать, либо сгинешь в яме от голода.

– Если бы в яме кормили, я бы провёл в ней всю жизнь. Только бы избежать столь тягостной работы.

– Тебе ещё не надоело пребывать в яме? Ты хоть и выглядишь самым хрупким среди Гирн, ты бывал там чаще остальных.

– Иногда мне там даже нравится. Когда я сижу обессиленный и оголодавший, меня посещают мысли о том, что, быть может, стоит покинуть чертоги Аркфара и броситься в лучи Ирао пробивающиеся в ущелье.

– Юнец! Глупец! Это вздор! Ты будешь сожжен лучами Ирао и прахом раствориться в небытие!

– Пусть так, зато работать больше не придется...

Драмдрудор недовольно покачал головой и ушел. Гирнгримгрон взял кирку и продолжил бить по камню. Он был вполне спокоен, но порой негодовал, из-за несправедливого деления кровей в Аркфаре. Представители крови Арк имели высшую степень почета и занимались исключительно тем, чем захочется. Им подчинялись представители крови Драм, следившие за работой низшей крови – Гирн.

Аркфар – сокрытая обитель горы Аркфариэл. Никто из ее жителей не покидал границы обитаемой территории. Считалось, что за пределами огромной пещеры ничего нет, и тот, кто ее покинет, будет сожжен лучами Ирао, звездой восходящей над просторами планеты Джеуджиро. Известен был лишь один выход из Аркфара. Это была подъемная шахта, через которую добытую руду отправляли на поверхность, получая взамен продукты.

Только представители крови Арк имели доступ к подъемной шахте, и только они знали, что находится на поверхности. Они утверждали, что за пределами каменной обители, жителей Аркфара ждет гибель, и лишь избранные крови Арк могут находиться там не опасаясь за свои жизни. Они говорили, что продукты им даруют те, кто после своей гибели обрел бессмертие и отправился ввысь, за пределы огромной пещеры, и что для поддержания существования им необходимы «живые камни», считавшиеся столь ценным материалом.

Многие поколения Аркфариюцев сменились, работая и увядая под тенью горы. Но тяжелее всего приходилось представителям крови Гирн, ведь они были вынуждены всю жизнь выполнять тяжкую работу рудокопов. Многие пытались покинуть пределы Аркфара, и никому из них не было отказано. Желавшие уйти – уходили. Они забирались на подъемник вместе с рудой, но возвращались обратно сожженными дотла.

Гирнгримгрон часто уставал и был склонен к безделью, но если он брался за работу, то доводил ее до конца, невзирая на желание ненадолго прилечь. Когда одна из тяжелых смен подходила к концу, ему оставалось совсем немного, чтобы отколоть огромный кусок бесценной руды. Все уже покинули шахты и отправились по своим норам, а в шахте раздавался звук единственной оставшейся кирки и писклявые возгласы худощавого рудокопа. Последний удар

разбил горную твердь и огромный «живой камень» упал у ног Гирнгримгрона. Хоть кусок и казался большим, весил он немного, поскольку «живая руда» была довольно легкой. Гирнгримгрон пристегнул кирку к поясу, водрузил добычу себе на голову, улыбнулся от тепла, ощущаемого макушкой своей коротко стриженной головы, и пошел из шахты прочь.

Он шел среди базарных рядов, где руду можно было обменять на всякого рода предметы быта или одежду. Основную часть руды относили к подъемнику, где ее можно было обменять на пищу. Представители крови Гирн зачастую брали мясную продукцию, и только Гирнгримгрон предпочитал исключительно злаковые пластинки, выглядевшие как спрессованные травы, усыпанные разнообразными приправами. Мяса можно было получить гораздо меньше, чем этих пластинок. Мясной рацион, которого могло хватить на два восхода Ирао, можно было заменить на количество пластинок, хватавшего на десять восходов. Он делал так не потому, что не любил мясо, а чтобы оставшуюся руду обменять на дополнительный отдых. Надсмотрщики крови Драм заносили его в список отдыхающих, и он мог безнаказанно избегать нелюбимой работы. Большинству представителей крови Гирн некогда было отдыхать, им приходилось постоянно добывать руду, чтобы кормить свои семьи. А так же покупать увеселительный напиток, который они называли «авно». Пьянящее авно по мнению рудокопов, помогало им отдохнуть после тягостной работы.

Гирнгримгрон был одинок, и поэтому был счастлив. Он не нуждался в том напитке, что дурманил его сородичей. У него не было ни родни, ни семейства. Его родители погибли при обрушении одной из шахт, когда он был еще младенцем. Но его не оставили одного. Разные семейства Гирн брали его на попечение, чтобы даровать ему должный уход, пока он сам не мог позаботиться о себе. Подрастая, он понимал, что был бременем для своих опекунов, и поэтому в раннем возрасте отправился работать в шахту. Он был самым юным рудокопом Аркфара. Пока остальные дети его возраста играли и веселились, он наравне со взрослыми аркфарийцами уходил на рудники. Драмдрудор всегда был надсмотрщиком шахт, где работал Гирнгримгрон. Он относился снисходительно к юному мальчишке. Увидев, как тот волочил за собой огромную и тяжелую кирку, Драмдрудор распорядился, чтобы для него сделали кирку поменьше и полегче. Мальчик был рад, что ему не пришлось поднимать инструмент, весивший, казалось, тяжелее его самого. Он с энтузиазмом взмахивал своей маленькой и легкой киркой. Но когда ребенок подрос, ему пришлось взяться за обычную, как у всех рудокопов, увесистую кирку. Работа с ней приносила лишь тяготы и огорчения.

Будучи юнцом, Гирнгримгрон уже постиг тяготы взрослой жизни аркфарийцев. Когда его сверстники впервые погружались в шахты, он уже имел внушительный опыт. Крепло и желание увильнуть от работы. На досуге, приобретенном за «живые камни», он или спал, или подолгу гулял в недрах Аркфара.

Набрав злаковых пластинок, он вернулся в свою конуру. Кристалл синеватого оттенка освещал его маленькое уютное жилище. На столе стояла тарелка, чаша и столовый прибор. У стены располагался плоский вытянутый камень, служивший ему кроватью. Он сложил свои запасы в дыру, выбитую в стене, и сел на свое твердое лежбище. Плотная серая штора приоткрылась, и в нору вошла прекрасная бледнокожая Гирнаула, ожидавшая прихода Гирнгримгрона. Между ее лбом и щеками проходила черная полоса каркосовой сажи, которую делали из крови каркосов, больших пещерных насекомых. Местные женщины считали, что эта сажа способна придать им красоту и привлечь мужчин. Гирнаула казалась немного крупнее Гирнгримгрона, но среди аркфарийских девушек выделялась изяществом.

– Я знал, что ты придешь, – встав напротив Гирнаулы, тихо произнес Гирнгримгрон. – Возможно, даже ждал тебя.

– Как ты мог знать? Я проходила мимо и вдруг решила зайти.

– Я видел тебя. Ты стояла, скрывшись во мраке потухшего фонаря.

– Ты что, настолько хорошо можешь видеть в темноте?

– Я видел сияние твоих прекрасных глаз.

– Ну, перестань, я смущаюсь.

– Я говорю тебе правду, но говорю ее, чтобы понравиться тебе. Многие скажут тебе подобное, чтобы добиться тебя.

Он подошел к ней и бережно поцеловал в лоб. Ее бледные щеки вмиг налились багровой краской. Она улыбалась и сияющим взглядом посмотрела на него.

– Опять ты нанесла эту грязь на свое прекрасное лицо?

– Это не грязь, – оправдывалась Гирнаула. – Это каркосовая сажа. Но я уже давно поняла, что на тебя, это не действует.

– Ты, наверное, была в гостях у кого-то еще, раз нарисовала себе другое лицо? Ведь я просил тебя приходить ко мне без этой грязи на лице, чтобы ты радовала меня своей подлинной красотой.

– Скрывать не стану, – смутилась она – я была у Гирнбрарана.

– А почему ты от него ушла?

– Потому что он незрелый пьяница!

Она была слегка расстроена. Гирнгримгрон это понимал и как всегда умело попытался унять ее тоску.

– Садись! – Радостно воскликнул он. – Я угощу тебя твоей любимой злаковой пластинкой, приправленной тукиром.

– Но они так редки! – удивилась она. – Я уже давно не видела на базаре этой сладости.

– Я постоянно покупаю злаки, и когда мне попадают твои любимые, я беру их специально для тебя.

– Ты так любезен и заботлив. Жаль, не желаешь ты разделить со мной семейный быт.

– Ты всегда об этом упоминаешь. Пойми, мне нравится быть с тобой. Нравится просыпаться в твоих объятиях. Но ты знаешь, что мне чуждо семейное родство. Сейчас я к этому безразличен. Мне нравится быть одному, жить в своей норе. Но это не значит, что я избегаю других. Когда ты приходишь ко мне, мое жилище словно наполняется теплом.

– Почему ты не хочешь оставить это тепло?

– Не знаю, – пожав плечами ответил Гирнгримгрон. – Возможно, ты слишком горяча для меня, и я боюсь сгореть.

– Да тебе просто нравится, когда у тебя гостят другие! Гирниэса говорила мне, что тоже гостила у тебя.

– Сейчас это неважно, – откусив от злаковой пластинки, сказал Гирнгримгрон. – Важно лишь то, что сейчас я нахожусь в компании с такой прекрасной девушкой, как ты, Гирнаула. И я не смею тебя задерживать. Если ты желаешь покинуть мое жилище, то сделать это можешь в любой момент. Но я буду расстроен твоим уходом.

– Сегодня я тебя не стану расстраивать, – сказала Гирнаула, взяв пластинку с тукиром. – Мне нравится быть с тобой. Расскажешь мне какую-нибудь историю?

– О да, моя дорогая! – воскликнул Гирнгримгрон. Он высунул свою голову за пределы норы, огляделся, а затем плотно задернул штору и направился к улыбавшейся Гирнауле.

– Это случилось, когда в последний раз мне довелось побывать в яме, – начал он свой рассказ загадочным голосом. – Я ушел в самую ее глубь, куда даже самый яростный узник не осмелится пойти. И подошел к самому краю великого ущелья, с которого мне были видны безмерные скалистые пустоши. Я сидел там, наблюдая, как в «ущелье погибели» проникали лучи Ирао.

– И тебе было не страшно? – удивилась Гирнаула.

– Ничуть. Ведь там прекрасно. Я любовался тем, как сырые и холодные стены пещеры накрывал яркий обжигающий свет. Камни будто полыхали, от них исходило шипение и дым. Запах был великолепный. Он был полон жизни, но его оттенки казались мне смертельными.

Я думал, что если пойду к свету, то буду им сожжен. Я бросил камень вглубь ущелья, и звук его падения разнесся по всей пещере. Там было сыро, смертельно опасно, но очень завораживающе.

– Это просто невероятно! Кажется, никто из Гирн не поведаст мне о подобном. Только ты на это способен! Ты удивительный!

– Любуясь тем ущельем, той смертельной красотой, я думал об одной прелестной девушке крови Гирн.

– Ммм... И кто же она?

– Не скажу, как ее зовут, но скажу, что мысль о ней вынуждает меня приносить ей злаки с тукиром.

– Ты просто беспощадный льстец и подхалим, – обняв Гирнгримгрона, шептала Гирнула.

– Я знаю.

Так и жил юный Гирнгримгрон, нехотя трудился в шахте, порой бездельничал или общался с юными аркфарийскими девушками. Но предпочитал он находиться один, блуждая по скалистым тропам Аркфара или просто лежа на своей каменной, твердой постели.

Аркфар был подобен большому холму, расположенному в недрах величественной пещеры, которая была такой огромной, что не было видно ее свода. Лишь тьма, среди которой возвышались каменные колонны. На вершине подземного города находилась подъемная шахта, окруженная просторными поместьями представителей крови Арк, где они беззаботно жили в достатке и изобилии. В основном Арк занимались подсчетом добытой руды и продуктов, полученных из «таинственной выси». Их дети порой от скуки пытались спуститься с холма и посмотреть, как живут аркфарийцы кровей Драм и Гирн. Но взрослые запрещали им это делать. Лишь немногие Арк покидали верховья Аркфара, чтобы познакомиться с бытом других жителей.

Дома Драм были меньше поместий Арк, но их было гораздо больше. Улицы, вдоль которых они стояли, длинным коридором тянулись к вершине холма. Когда Арк проходил среди них, все Драм ему кланялись. Для Драм было великой честью, если Арк заходили в их дома. Большинство представителей крови Арк никогда не покидали вершины Аркфара, хоть это и было им интересно. Отвращение от других кровей не позволяло им спуститься. Они были высокомерны и считали, что другие аркфарийцы ничтожны по сравнению с ними. Драм считались выше Гирн, оттого и были к ним жестоки и часто наказывали. Их различия были выдуманскими, ведь с виду все они были почти одинаковы. Рожденные в Аркфаре не могли избрать жизненный путь, за них все решали традиции трех кровей. Тяжелее всего приходилось рожденным за темными тропами, в местах, где проживали аркфарийцы крови Гирн.

Гирнгримгрон уходил в скалистые дали, где оставался совсем один. Там не было неба и не было звезд, лишь просторы огромной пещеры, раскинутые в бесконечных недрах горного пространства. Он кричал в пустынных ущельях, где никто не мог его услышать, и радовался эху собственного голоса. Бросая камни в пропасть, дна которой не было видно, он порой удивлялся, когда после затянувшегося ожидания раздавался тихий стук.

Отдых, который он заработал, добыв большой кусок руды, давно завершился, но, наслаждаясь идиллией одиночества и своим любознательным скитанием, он позабыл, что ему пора отправляться в шахты. Он прилег у камня и решил вздремнуть. По стенам ползали светившиеся ярко-голубым светом и извилистые как веревка, многоногие мизеи. Они ползали так, будто светящиеся линии движутся по темным стенам. Пока Гирнгримгрон дремал, склонив голову, Драмкраурик и Драмсаррос незаметно подкрались к нему.

– Встать! – пискляво завопил толстый Драмкраурик.

Гирнгримгрон открыл глаза и молча, посмотрел на двух пухлых надсмотрщиков.

– Чем могу быть любезен? – Спросил он.

– Что за наглость?! – возмутился Драмкраурик – Мы блуждаем уже так долго по этим скалистым пустошам в поисках одного Гирн, который вот уже три рассвета Ирао не появляется в шахте. А он еще спрашивает, может ли быть нам любезен.

– Прошу прощения. – Встав на ноги, обратился Гирнгримгрон, – почему же вы решили, что я именно тот, кого вы ищете? Ведь я нахожусь здесь вполне оправданно. Я смог добыть много камней, которые обменял на отдых.

Драмсаррос открыл книгу учета.

– Ты некий Гирнгримгрон? – спросил он.

– Да.

– Следовательно, ошибиться мы не могли. Ты тот самый уклонист, который пропускает работу в шахте. Твой отдых был завершен три восхода назад. Со слов Гирн обитающих рядом с тобой, ты единственный, кто посещает эти места. Я и Драмкраурик давно разыскиваем тебя, и мы изрядно устали. И сейчас, ты пойдешь с нами к Аркханесу, он определит тебе наказание.

– А если я не пойду с вами?

Драмсаррос и Драмкраурик удивленно посмотрели друг на друга.

– Неподчинение! Вздор! – Возмутились они – Это невозможно! Мы заставим тебя идти с нами! Мы бросим тебя в яму! А затем, если ты в ней не сгинешь, ты будешь работать в шахте, как и подобает Гирн!

– Ну что же вы. Не сердитесь так, я это не всерьез, ведь если я с вами не пойду, мне здесь придется нелегко без еды. Вы могли бы не утруждать себя поисками, ведь я бы и так вернулся, и тогда не смог бы избежать наказания.

– Теперь твоё наказание будет суровее, ведь ты посмел перечить нам.

– Но я не перечил... – не успел договорить Гирнгримгрон, как надсмотрщики взяли его под руки и поволокли за собой.

Двое толстых Драм, тянущих за собой худошавого Гирн, шли по пещерным тропам. Они сделали пару остановок для отдыха и перекуса. Гирнгримгрон, разумеется пищи не получил, а лишь наблюдал за тем, как двое прожорливых надсмотрщиков набивали свои рты. Миновав окраины районов, где проживали представители крови Гирн, они пришли в место, которое считалось самым мрачным в Аркфаре. Это была давно забытая и брошенная пещера, где когда-то случился ужасный обвал, погубивший многих. Среди погибших были и родители Гирнгримгрона. Он был еще младенцем когда это случилось и оттого не скорбел от утраты. После обвала шахту не раз заваливало вновь, поэтому ее забросили, а потом стали использовать как тюрьму, в которой пребывали узники, брошенные в ямы.

Аркханес был единственным из Арк, кто посещал брошенную пещер. Он мнил себя судьей. Никто не смел возражать, ведь он был высшей крови. Он сидел в одной из мрачных пещер, за столом из белого камня и сложив руки у подбородка выносил вердикты. Гирнгримгрона привели к нему за наказанием и поставили прямо напротив стола.

– Аркханес! – склонив голову, твердил Драмкраурик. – О, возвышенный в наших чертогах, мы привели к тебе этого уклониста, чтобы ты определил ему наказание, которое он, безусловно, сочтет справедливым.

Сперва, Аркханес промолчал, глядя на знакомое лицо, которое ему уже приходилось судить.

– Как зовут эту низость? – высокомерно произнес он.

– Представься! – Дернув за руку Гирнгримгрона, возмутился Драмкраурик. – Аркханес желает знать твоё имя.

– А может, лучше ты меня представишь?

– Да как ты смеешь мне дерзить?!

– Он вообще-то с тобой разговаривал, а не со мной.

– Гирнгримгрон, – продолжил Драмкраурик. – Так его нарекли. Он частый гость в этих местах, и ему, похоже, яма понравилась.

– Гирнгримгрон? Не припомню этого имени, – будто пытаюсь вспомнить, говорил Аркханес, хотя помнил это имя.

– Вы заняты слишком важными делами, вам нет нужды помнить имена низших кровей.

– Что сделал этот низший аркфариец? За что его судить?

– Он не работал в шахте три восхода. Он – уклонист.

– Низший, – обратившись к Гирнгримгрону, говорил Аркханес, – это правда?

– Не совсем.

– Да как ты смеешь лгать!?! – возмутился Драмкраурик.

– Я и не лгал, я просто хочу пояснить.

– Пусть продолжает.

– Я вовсе не желал уклоняться. Я добыл огромный кусок руды и обменял большую его часть на отдых. Я беззаботно отдыхал в своем жилище, принимая гостей, а иногда блуждал по просторам Аркфара. Я настолько был увлечен отдыхом, что позабыл о том, что мне необходимо отправляться в шахту.

– Значит, ты просто гулял, и в прогулках своих позабыл о работе?

– Да.

– Твои слова не имеют значения, – продолжил Аркханес. – Ты низшей крови и должен работать в шахте. Ты не явился в шахту, и поэтому ты уклонист. Ты отправишься в яму и встретишь в ней шесть рассветов Ирао.

– Зачем тогда задавать вопросы, если ответы не имеют значения?

Драмкраурик и Драмсаррос от возмущения напряглись. Аркханес был в гневе, но сдерживал себя, крепко сжимая руки, сложенные у подбородка.

– Возможно, – медленно, но сдержанно продолжил он, – ты сомневаешься в моем решении бросить тебя в яму?

– Сомневаюсь, как и прежде, – уверенно заявил Гирнгримгрон. – Мне всегда казалось это абсурдом. Ведь я могу не работать в шахте еще довольно долго, у меня для отдыха хватит пищи. Мне нет нужды кормить семейство, ведь я его лишен. Мне нравится безделье. Почему я должен работать, если могу этого не делать?

– Таковы правила. Ты низший, ты крови Гирн, ты рудокоп отроду. Ты обречен работать в шахте. И чтобы отдыхать, ты должен добывать руду. И работать ты будешь не когда захочешь, а всегда. И с этого момента за свои вопросы и сомнения ты проведешь сорок восходов в яме отрешенных.

Гирнгримгрон даже не удивился. Его увели в самую дальнюю часть покинутой пещеры, где не было узников и даже надсмотрщики боялись туда ходить. Там находилась яма отрешенных – мрачная и темная пещера, тянущаяся глубоко вниз. В одной из стен ямы была дыра, которая вела в просторное ущелье, куда проникали лучи Ирао, через трещину в горной породе Аркфариэла. Яму покинуть можно было, спустившись по крутой и высокой стене, в низовьях которой бурно текла горная река.

Туда редко отправляли узников, но если такое случалось, то им приходилось непросто, поскольку они боялись лучей Ирао. От страха им казалось, что лучи проникнут в темницу и сожгут их. Даже после заката страх не покидал узников, ведь стоило ущелью наполниться тьмой, как всюду начинали раздаваться ужасающие вопли аркфариэльских джамаилов, глаза которых светились в темноте фиолетовым цветом, когти их были острее ножей, а шерсть была черной, как самые темные недра Аркфариэла. И казалось узникам, будто в их пещеру ворвутся джамаилы и разорвут их на куски. Но Гирнгримгрон не раз уже бывал в яме отрешенных за частые уклонения от работы. Он знал, что находясь там, ни лучей Ирао, ни джамаилов бояться не стоит. Потому что и те, и другие обитают лишь за ее пределами.

Его привязали веревкой к подъемнику и дали в руки мешок с едой, которой было не так много. Шестерни вращались, а канат опускал вниз спокойного Гирнгримгрона, узника ямы отрешенных.

– Не ешь все сразу, – кричал ему вслед Драмкраурик, – еду тебе никто не принесет.

Гирнгримгрон молча погружался вниз. Стоявшие сверху толстые надсмотрщики провожали его взглядом, ехидно улыбаясь. Минуя сырые скалистые стены, он приблизился ко дну ямы. Он отвязал веревку, и та устремилась вверх. Подойдя к краю темницы, он посмотрел на то, как за пределами широкой дыры лучи Ирао освещали просторное ущелье, и видно было, как один джамаил пришел на водопой к бурно текущей реке. Но будто почувствовав, что сверху за ним наблюдают, он поспешил прочь, быстро перебирая четыремя черными лапами.

Сидя на камне, Гирнгримгрон задумчиво глядел вдаль. В этот раз ему все казалось иначе. Он уже не раз встречал восходы Ирао в яме отрешенных, и всегда возвращался на поверхность, продолжая работать в шахте, обменивать руду на отдых и еду, а затем вновь погружаться за рудой, изнывая от тягостной работы. Он иногда думал, что лучше находиться в яме, где дают хоть какую-то еду, чем в шахте, где постоянно приходилось себя утруждать. Он положил под голову мешок с едой, прилег и задремал.

Его голову часто посещали мысли покинуть бездну и отправиться в дальние скитания, на другой берег бурной реки. Его не пугала ни высота, с которой ему пришлось бы спускаться, ни река, которую ему пришлось бы миновать. Он думал лишь о неизвестности, с которой ему предстояло встретиться за пределами ямы, где после заката во мраке бродят джамаилы. Никто не осмеливался покидать бездну или ступать дальше заброшенных шахт, ведь жителям Аркфара была известна лишь та жизнь, которая происходила в его пределах, и каждому она была дорога. Случалось, что узники безвозвратно пропадали, и считалось, что они уходили и погибали.

За пределами темницы свет Ирао покидал ущелье, и в ступающей всюду тьме раздавались звуки воющих джамаилов. Они то и разбудили спящего узника. Он подошел к краю и громко завопил, вой стих на миг, но затем продолжил раздаваться. Мгновение отделяло его от решения бросить все и отправиться в невиданное скитание, которое могло бы кончиться трагично. Но его посетили сомнения. И чтобы им не поддаваться, он бросил сумку с едой вниз, на другой берег бурной реки, а затем схватился руками за голову, подумав о том, что делать дальше. Ему оставалось либо погибнуть от голода, сидя в своей темнице, либо спуститься за своей пищей. Погибать от голода он не желал, и поэтому, даже не взглянув вниз, начал спускаться.

На отвесной скале, было мало выступов, за которые можно ухватиться, поэтому спускался он медленно, нащупывая надежные места. Преодолев больше половины стены, он едва мог пошевелить пальцами. Каждый сделанный вниз шаг казался ему последним, и силы его покидали. Внизу, когда он ступил на камень, его ожидало облегчение и боль, пронзающая его руки, ноги и спину. Ему оставалось лишь плакать от боли и радоваться, что он не сорвался и не рухнул.

Река текла бурно, он опустил в нее свои руки и вместе с ее прохладой ощутил облегчение. А когда он опустил в воду голову, то почувствовал прилив энергии и дикое желание миглом вытащить ее из воды. Река была неглубокой. Когда он ее преодолевал, вода доставала ему до груди. На другом берегу он прилег рядом с сумкой и посмотрел на дыру в скалистой стене, из которой выбрался. Она была вроде совсем рядом, но путь, который он преодолел, оказался тяжек. Его посетила мысль, что, возможно, стоит вернуться, но желания взбираться по стене у него совсем не было. Он повернул голову, и, глянув во тьму, откуда на него смотрели фиолетовые глаза джамаилов, встал и пошел на встречу к ним.

Свет Ирао уже почти покинул просторы ущелья. Гирнгримгрон мог не бояться, что лучи его сожгут, и поэтому смело двигался дальше. Он перебирался с камня на камень, ведь в тех

местах не было троп, по которым можно было беззаботно ходить. Джамаилы издавали вой, но не приближались, лишь мелькали во тьме их фиолетовые глаза. Гирнгримгрон опасался, что они могут на него напасть, но не думал, что для этого есть повод. Казалось, они пытаются его напугать, но сами боялись.

Тьма сгущалась. Сумеречный свет Ирао остался позади. Гирнгримгрон мог различать предметы в темноте и немного ориентироваться, поскольку зрение аркфарийцев позволяло им видеть в темноте, но на небольшом расстоянии. Он долго шел, блуждая то среди светящихся кристаллов, то среди пещер, где по стенам шуршали светящиеся многоногие мизеи. Он остановился в расщелине, где завывающий ветер блуждал среди камней, становясь мелодией. Миновав пещеры, он приблизился к большому водопаду, стремящемуся вниз по крутому склону и дальше становившемуся бурной рекой. Он остановился у стены воды и заметил, что реку можно перейти за водопадом.

За водопадом было скрыто углубление, в котором находилась статуя каменного великана, высеченного из живой руды и крепкими узами прикованного к скале. Гирнгримгрон прикоснулся к нему, почувствовав тепло.

– Я чувствую прикосновение. – Неподвижные каменные уста великана издали громкий голос.

Гирнгримгрон, глядя на великана, попятился назад.

– Ты можешь разговаривать?! – искренне удивился он.

– Я слышу голос.

– Я тоже. И это просто удивительно. Ты сотворен из живой руды и можешь разговаривать.

– Я сотворен не из руды. Я был подобен тебе, но в прежней жизни я был не так бледен, как ты.

– Как же ты смог стать каменным?

– Меня поместили в этот доспех из глубинной руды, когда я погибал.

– А ты тоже был аркфарийцем?

– Нет. Я был Эли.

– Эли? Мне прежде не доводилось слышать о подобных тебе.

– Мы живем на поверхности горы Аркфариэл в большом и прекрасном городе Эл.

– Так получается ты один из бессмертных, живущих на вершине подъемника?!

– Что за вздор? На вершине живут вовсе не бессмертные. Эли тоже умирают, как и все, что однажды рождается.

– Я даже подумать не мог, что мне доведется столкнуться с подобным...

– А ты кто? И что делаешь ты в недрах Аркфариэла?

– Меня зовут Гирнгримгрон, я узник ямы отрешенных, я низшей крови из Аркфара.

– Я имени твоего не смог расслышать. Можешь повторить его, узник низшей крови?

– Гирнгримгрон.

– Не мог бы ты его произнести помедленнее?

– Гирн... грим... грон.

– Я буду называть тебя Гирн, если ты не возражаешь.

– Нет, пусть даже это имя моей крови. А как я могу тебя называть?

– В прежней жизни меня звали Фа Но Эль.

– Фаноэль?

– Нужно делать паузы, произнося его, но ты можешь звать меня именно так.

– Тогда приветствую тебя, Фаноэль, – произнес Гирн, прикоснувшись к великану.

– Здравствуй Гирн, узник низшей крови.

– Нет, я уже не узник, я покинул свою темницу и отправился скитаться.

– Так ты, получается, беглец?

– Наверное.

– А я, увы, не в силах покинуть своего заточения, ведь я скован прочными узами, которые разорвать не могу.

– А почему тебя заковали?

– Когда приближалась моя гибель, мне предложили жизнь, в каменном доспехе на страже города Эл. Я думал, что обрету, наконец, стремление к жизни и даже может смогу послужить остальным Эли. Но когда я воссоединился с каменным одеянием, меня пытались заставить устрашать других и использовать обретенную силу против моих сородичей. Я говорил, что лучше сокрушу тех, кто прячется под мраком обретенной силы, чем нападу на беззащитных.

– Значит, тебя нельзя вытащить из каменного одеяния?

– С той давней поры, как покинул я лабораторию, где меня обратили в камень, каменное одеяние – это я.

– И долго ты находишься в заточении?

– Не знаю, жизнь моя остановилась, будто засохшая река, и я взираю лишь на то, как вода спадает предо мною.

– А узы, сковывающие тебя, можно ли их разорвать?

– Я тщетно пытался, но, увы, сил моих не хватает. Слишком крепко они меня держат.

– Не хочется тебя оставлять. Я, пожалуй, останусь пока здесь. Оставлю рядом с тобой мешок с едой, ты уж присмотри за ним. А я пока пойду, осмотрюсь тут.

– Что я смогу сделать, если твой мешок вдруг кто-то пожелает взять? Ведь я скован. Да и нет здесь никого, кто мог бы на него позариться.

– Ну, тогда просто рассматривай его. Ведь давно не видел ничего нового перед собой.

Осмотрев пещеру, Гирн так и не смог найти выхода. Все пути, по которым он хоть как-то мог пробраться заканчивались тупиком, либо просто вели к крутым обрывам, казавшимся бездонными. Но в одном из темных углов он обнаружил небольшое отверстие в стене, откуда доносился незнакомый ему запах, задуваемый необычайно теплым воздухом. Это отверстие казалось ему единственным выходом из пещеры, но оно было настолько мало, что в него не смогла бы пролезть даже его бледная голова.

– Наверное выход завалили, – сказал Фа Но Эль. – Похоже, что ты расстроен тем, что не смог обрести свободу.

– Не совсем, – возразил Гирн. – Свободу я обрел еще в Аркфаре. Блуждая среди скалистых троп, я был свободен от работы, от тягот семейного быта и распития авна. Даже когда меня опускали в яму, я чувствовал себя свободнее остальных. Покинув яму отрешенных, я просто позволил себе больше действий. Ведь именно свобода побудила меня броситься в объятия приключений и спуститься к бушующим водам. Единственное чем я смущен, так это количеством пищи, которую мне оставили. Неужели мне придется питаться мизериями?

– Ты же можешь вернуться обратно.

– Могу, – вздохнул Гирн – но не хочу.

– Аириа! – твердила ее мать, – пора задуматься о семействе. Ты молода и прекрасна, многие захотят разделить с тобой семейный быт.

– Ну, мама! – отмахивалась Аириа – Я не заинтересована сейчас в семье. Я хочу продолжать обучение, мне интересно познавать наш мир, заниматься пением и танцами.

– Зачем тебе это нужно? Хочешь быть подобна Ил? Они знают, им проще этим заниматься! Когда я тебя вынашивала, я вовсе не задумывалась, я знала, что дарую тебе жизнь, а после, ты даруешь ее своим детям.

– Если ты не задумывалась, когда вынашивала меня, тогда задумайся хотя бы сейчас. Я сама знаю, как жизнь прожить. И сейчас я уверена, что для меня будет лучше, если я продолжу обучение.

– Да откуда ты можешь знать о жизни? Ты ведь вовсе ее не видела!

– А ты видела? Ты всю свою жизнь провела в быту. Ты просто хочешь, чтобы я прожила жизнь, так же как и ты!

– Разве плохо, что я желаю своей дочери самого лучшего?

– Мне не кажется, что твоя жизнь лучшая, которую можно прожить.

Мать была в гневе и уже готова была накричать, но Аириа крепко ее обняла.

– Мама, ты мне очень дорога, но не стоит быть такой настойчивой. Может однажды у меня будут дети, но точно не сейчас.

– Однажды ты меня поймешь.

– Может быть, но сейчас мне пора на учебу.

Яркие лучи Ирао освещали улицы города Эл. Рядом с Аирией остановилась большая пассажирская повозка, ездившая благодаря шумному двигателю, который в этот раз заглох. Водитель вышел из кабины и подойдя к двигателю, вставил в него большой изогнутый ключ и начал его резко крутить. Пока водитель возился с повозкой, Аириа прошла внутрь просторного салона и заняла место у окна. Двигатель запыхтел и загремел. Водитель сел в кабину, и повозка двинулась вперед.

Город Эл был полон изобилия. Он находился на одной из просторных долин горы Арк-фариэл. По широким улицам ездили повозки разных размеров и цветов, на площадях и аллеях раскинулись пышные сады. Дома разной высоты стояли вдоль проспектов. Там проживали Эли, народ, живший за счет торговли. Они продавали руду, добываемую в недрах горы. Их жизнь была проста, им не было нужды утруждать себя тяжелой работой. Но даже те, кому не приходилось напрягаться, порой жаловались на праздную жизнь. В том городе одни Эли правили, а другие просто жили и выполняли мелкие работы. Самой сложной считалась разгрузка подъемника, но даже эту работу выполняли при помощи механических устройств и каменных великанов.

На одной из улиц находилась академия, где училась Аириа. Лишь немногие из ее сверстников ходили на занятия, поскольку большинство жителей города Эл не были заинтересованы в обучении или саморазвитии.

Иногда по вечерам, Аириа гуляя вдоль скал, садилась у одной из теплых, нагретых лучами Ирао стен и любовалась закатом. Порой она так и задремать могла, а когда становилось прохладно, просыпалась и уходила домой. В один из таких вечеров Аириа вновь вступила в спор с матерью и после долгого разговора решила пройтись к любимому месту. Но в этот раз от наблюдения за багровым закатом ее отвлек странный звук, доносившийся из широкой трещины в стене. Аириа подошла ближе и стала прислушиваться.

– Это похоже на пение... – прошептала она вслух.

На другой стороне стены, в недрах скалы, сидел Гирн и прямо в отверстие, из которого доносился интересный аромат, напевал песню, слушая ее эхо.

– За твоей одеждой кроются надежды, ну же скинь ее скорей – напевал он знакомый мотив.

Аириа не могла разобрать слов, и до нее доносились только отголоски его мычания.

– Эй, ты! – крикнула она.

Услышав голос, Гирн замолчал.

– Там кто-то есть? – крикнул он с надеждой.

– Да! – ответила Аириа.

– Замечательно! – воскликнул Гирн.

– А что радостного в моем появлении?

– Не могла бы ты кричать потише? А то в ущелье голос громко раздается.

– Хорошо.

– Говори громче, тебя не слышно.

– Так нормально!? – громко закричала Аириа.

Гирн на мгновение умолк.

– Так что же радостного в моем появлении? – продолжила Аириа.

– Все! – ответил Гирн – Ведь я нахожусь здесь уже несколько восходов, и беседую лишь с каменным узником. А твой голос настолько прекрасен, что когда звуки его доносятся до моих ушей, я чувствую блаженство.

Аириа засмушалась.

– А ты подхалим, – сказала она – но мне приятно это слышать.

– Мне тебя приятней слышать.

– А что ты делаешь внутри горы?

– Живу.

– В пещере?

– Ну да. А что тебя удивляет? Ты говоришь так, будто живешь за ее пределами.

– Вообще-то, прямо сейчас, я нахожусь именно за ее пределами.

Гирн от удивления не произнес ни слова.

– Невероятно. – Прошептал он.

– Ты еще там?

– Да, мне отсюда деться некуда.

– А как ты туда попал?

– Не знаю... Я здесь родился... Так уж вот, получилось. А можешь ли ты описать, что происходит вокруг?

Аириа повернулась и начала осматриваться.

– Ирао уже почти зашло – говорила она – небо настолько красное, что Тиримиос будто стал его частью.

– Ты что, не страшишься лучей Ирао?! – удивился Гирн.

– А отчего мне их страшиться? Они мне вреда не причинят. Разве что обожгут слегка в знойный день, если вдруг я под ними усну. А ты живешь в горе, потому что страшишься Ирао?

– Возможно. – Задумался Гирн. – Хотя снаружи мне бывать не доводилось. Когда я рос, мне все твердили, что лучи Ирао сожгут мою плоть, стоит им меня настигнуть. И все об этом знают, и все этого боятся.

– А откуда ты родом?

– Я родом оттуда, где великие стены, окутавшие город Аркфар, скрывают нас от гибельных лучей Ирао. Где жизнь ограничена работой, где даже за причитающийся отдых порой отправляют в темницу.

– В ужасном месте тебе довелось побывать.

– Мне там не просто побывать довелось, а родиться и прожить.

– А если ваш город сокрыт в недрах горы, то, как же вы выращиваете пищу? Ведь без лучей Ирао почти ничто не может жить.

– Но мы ведь выживаем. Пищу нам дарует подъемник взамен добытой нами каменной руды. Так и проходят наши жизни: мы добываем руду, загружаем ее в подъемник, а с него нам спускают продукты.

– Это просто невероятно! – удивилась Аириа – Ведь мне казалось, что руду добывают каменные великаны, а отходы, отправляемые в шахты, служат им топливом.

– Кажется, мы оба заблуждались.

– Совсем забыла спросить, как тебя зовут?

– Гирнгримгрон.

– Гирнгримгрон? Какое интересное у тебя имя, а меня зовут Аириа.

– А твое имя мне кажется прекрасным.

– Послушай Гирнгримгрон, уже поздно, а путь до дома предстоит неблизкий. Можем ли мы завтра побеседовать еще?

– Я буду только рад.

Аириа ушла домой. Всю дорогу она думала о таинственном незнакомце, томящемся в недрах горы. Она пыталась его себе представить, но ей было неизвестно, как выглядит тот, кто прожил жизнь, лишённую света Ирао. На следующее утро, когда небесное светило взошло над горой, Аириа проснулась и, взяв с собой немного еды, отправилась к таинственному собеседнику. Путь к тому месту был неблизкий, и пока она до него добралась, Ирао уже светило ярко. Она подошла к разлому в горе и пробралась в него.

– Это ты? – спросил Гирн, услышав шуршание.

– Да, – ответила Аириа.

– Рад вновь услышать твой прелестный голос. Теперь он кажется мне ближе.

– Я залезла в этот разлом, хочу передать тебе еду.

– Мне? Еду? Вряд ли я что-то смогу предложить тебе взамен.

– Ничего не надо, я просто решила тебя угостить.

Аириа подошла к дыре в стене, но свет Ирао не мог проникнуть в ущелье, и поэтому в нем было темно, они не видели друг друга. Она осторожно просунула в дыру сверток с фруктами, где на обратной стороне ее ладоней, она ощутила холодное прикосновения Гирна. Как только он взял у нее сверток, она тут же одернула руки.

– Не стоит бояться, я не съем тебя.

– Я не боюсь... Ты просто холодный...

– А ты так горяча, что хочется с тобой согреться...

Аириа промолчала.

– А что это? Странная еда, я такую еще не видел.

– Что странного? Те, что черные это минерино, а серые – это, чисачи.

Стоило Гирну откусить от минерино, он едва смог вдохнуть от восторга. Ему не доводилось есть ничего вкуснее. Он жадно вкушал дары, которые преподнесла ему Аириа.

– Это самое вкусное, что я когда-либо ел. Теперь, попробовав это, я готов умереть.

– Ого! – удивилась Аириа. – Чем же ты питался, раз подобная пища тебя восхищает?

– Я предпочитал злаковые пластинки. Я мог позволить себе их сколько угодно и мог подолгу избегать работы.

– А мне не приходилось слышать о таких пластинках. А как они выглядят?

– Ну, они, такие прямоугольные и очень вкусные.

– Выглядят как спрессованная трава?

– А что такое трава?

– Они хрустящие на ощупь и коричневатого-серого оттенка?

Гирн бросил одну злаковую пластинку прямо к ногам Аирии. Она подняла ее и с отвращением понюхала.

– Ведь это пища для скота, – сказала она. – Мы кормим этим асорий.

– А что такое асорий?

– Это такие животные, которые пасутся на лугу, едят траву и дают очень вкусное молоко.

– Неплохо было бы на них взглянуть. А меня здесь окружают лишь каркосы, светящиеся мизеи и злобно воющие джамаилы.

– Ты повстречал джамаила?!

– Да, один из них даже пытался похитить у меня сумку с едой, но я его отогнал.

– Но они же свирепые звери, способные разорвать на куски.

– Они такими лишь кажутся. Они меньше меня, глупее и даже боятся.

– А ты боишься их?

– Иногда, но не показываю им этого.

– А ты собираешься покинуть пещеру?

– Я был бы рад, но я осмотрел ее, и выхода найти не смог. Обнаружил лишь эту дыру, которая ведет наружу, но она настолько мала, что в нее я не втиснусь. Даже если я и смогу хоть как-то выбраться, то стоит мне попасть под лучи Ирао, я мигом превращусь в обугленное, бездыханное тело.

– Я укурю тебя платком, и лучи Ирао тебя не настигнут.

– Ты так любезна. И сейчас твой голос для меня – это настоящий источник тепла. И если выберусь отсюда, то первым делом тебя обниму, если ты не будешь возражать.

– Ты холодный, я замерзну, – Аириа улыбалась.

Гирн на мгновение умолк.

– Возможно, если я тебя обниму, – продолжила Аириа, – ты согреешься и перестанешь быть холодным.

– Я буду горячее Ирао.

– Но сейчас я тебя покину, мне пора отправляться в академию.

– Где мы с тобой встретимся в следующий раз?

– Может, придешь ко мне в гости?

– Хорошо! Как только смогу сделать проход наружу, так сразу же тебя найду.

– Я принесу тебе еще еды – уходя, сказала она.

– И расскажешь, что такое академия, – крикнул он ей вслед.

Много закатов Ирао они встретили вместе, так и не увидев друг друга. Их беседы были обо всем. Они могли поведать друг другу все свои тайны. Хоть их и разделяла стена, они были близки как никто. Аириа поведала Гирну о своих разногласиях с матерью, о ее настойчивости в том, чтобы она завела семью. Гирн был слишком свободен, чтобы заводить семейство и поэтому поддерживал ее стремление к учебе. А когда узнал, что в академии кормят и рассказывают что-то интересное и полезное, то сам захотел поскорее выбраться из недр Аркфариэла и пойти учиться. Порой Аириа засиживалась допоздна, слушая его захватывающие и забавные истории.

– И вот я стою на краю ущелья, дна которого совсем не видно, – вдохновлено рассказывал он, – а всюду тьма сгущалась, и в ней мне виделась лишь глаза свирепо рычащих джамаилов. Казалось, жизнь моя может оборваться, стоило только оступиться. Но я шагнул вперед, прямо навстречу опасности. Я смотрел в сотни светящихся глаз сгущавшихся повсюду джамаилов, которые были готовы наброситься на меня и вкусить моей плоти. Но я уподобился зверю. Я скинул с себя все одеяния и бросился в атаку. Я кричал! Я рычал! Я был безумен! Они расступились словно тьма, которую пронзил испепеляющий свет Ирао! Они меня устрашили и больше не смели подавать ни малейшего возгласа.

– Ты не выдумал это? – спросила Аириа.

– Не совсем, – слегка смутился Гирнгримгрон.

– Как бы то ни было, очень захватывающая история.

– Когда меня охватывает страх, я не задумываюсь о том, что неплохая выйдет история...

– Ты срываешься с себя одежду и прикидываешься безумцем?

– Порой, скинуть с себя все – лучшее решение.

– Но не стоит принимать это решение, стоя на площади мучеников, где многие увидят твою наготу.

– Пускай смотрят, мне не жаль. Да и оказаться на этой площади мне, по всей видимости, не доведется.

– Гирнгримгрон, только не печалься, – Аириа просунула обе руки в отверстие, а Гирн поднес к ним свою голову. Она бережено гладила его по холодному лицу, вмиг наполненным теплом ее ладоней. Она так часто это делала, что, не глядя могла бы узнать его лицо из миллиардов чуждых.

- А я и не собирался. В твоих ладонях мне не страшны печали, я утопаю в них.
- Однажды мы минуем стену между нами, даже если ее нам придется сточить зубами.
- Звучит довольно весело.

Они оба засмеялись.

- Что если, увидев меня, ты испугаешься и не захочешь со мной дело иметь?
- Тогда мы останемся в пещере и никогда не увидим друг друга, будем лишь беседовать.

Гирн обыскал всю пещеру, но долгие, тщетные поиски не привели его к выходу. Аириа несколько раз обошла гору и побывав в нескольких ущельях, так и не смогла встретиться с любимившимся незнакомцем. Фа Но Эль утверждал, что выбраться оттуда едва ли невозможно, а единственный выход замуровали те, кто заточил его самого в той пещере.

Однажды Аириа решила проникнуть в пещеру через подъемник. Она подумала, что это единственный путь внутрь горы. Она долго решалась на такой смелый поступок, но ее одолевали сомнения, поскольку это путешествие могло оказаться безвозвратным. Возвращаясь как-то раз домой, она осмелилась зайти в преддверья подъемника, охраняемые каменными стражами. Вход к подъемнику был строго запрещен, и никто из жителей горда Эл даже не думал туда пробраться. Там работали несколько Эли и каменные великаны, выгружавшие с подъемника живую руду и загружавшие на него продукты.

Ирао уже зашло за горизонт, и в небе Джеуджиро мирно парили Тиримиос и Руимия. Аириа кралась сквозь густо растущие кустарники. Она была осторожна и когда ей оставалось миновать совсем немного, чтобы проникнуть внутрь пещеры, где располагался подъемник, ее обнаружил один из каменных стражей. Ростом он превосходил ее в три раза и, выглядел он будто облаченное в каменные доспехи огромное существо. Но сколь бы огромным ни был тот каменный великан, он смог подкрасться к Аирии незаметно.

- Вы, быть может, заблудились? – вежливо спросил он.

Аириа так сильно испугалась, что даже вскрикнула.

- Быть может, – взволнованно ответила она, пытаясь отдышаться.

- Вам не стоит находиться здесь, ведь это опасно.

- Ох, повсюду так темно, что я даже не заметила, как здесь оказалась.

– Я вынужден доложить о вас стражникам Эли, чтобы они утвердили вам приговор. Но думаю, если вы незаметно покинете эти места, мы сделаем вид, что не встречались вовсе.

– Будет весьма благородно, если вы поступите так. Но позвольте узнать ваше имя, ведь вы спасли меня от множества проблем.

- На Ри Эль, – ответил он.

- Я благодарна вам, На Ри Эль, – сказала Аириа и ушла прочь.

Она была рада, что ей удалось избежать возможного наказания, но переживала оттого, что ей не удалось пробраться в глубины Аркфариэла и встретиться с Гирном. Она шла домой среди темного заросшего леса, где вершины деревьев устремлялись в темное небо, усыпанное миллиардами дальних звезд и планет. Остановившись в поле и устремив свой взгляд в холодное ночное небо, она подумала о том, что прежде семейная жизнь была ей безразлична, ведь могла помешать ее обучению. Но беседы с незнакомцем, который ее поддержал и даже был готов разделить с ней интересы, вдруг заставили ее задуматься над тем, что, быть может, с ним ей будет даже лучше. И с того момента она начала искать способ, чтобы вызволить его. Аириа держала в тайне их встречи, поскольку боялась того, что если кто-нибудь узнает о сбежавшем узнике, скрывающемся в недрах горы, то их навсегда разлучат.

Как-то раз, она пришла до восхода Ирао, прихватив с собой кирку, которую тайком взяла в инструментарии, где изготавливали их, для отправки в Аркфар. Ее не заботило, что подобный поступок могли счесть кражей. Она была преисполнена желанием встретиться с Гирном, кото-

рый в то мгновение мирно спал. Его разбудил звон, доносившийся от дыры. Подойдя ближе, он смог расслышать яростные возгласы Аирии и то, как кирка обрушалась на камень.

– Не думал, что твой изящный голос, может звучать столь яростно, – промолвил он сквозь расщелину.

Она бросила кирку в сторону, пала на колени и заплакала.

– Я больше не могу, – твердила она, рыдая, – мне порой так грустно, и только ты способен развеять мою печаль, ты стал близок мне, как никто другой.

– Ты только не грусти, не печалься, – успокаивал ее Гирнгримгрон, – неужели нет у тебя того, с кем ты могла бы разделить свои невзгоды?

– Нет! Они лишь жаждут завести со мной семью! Они не хотят, чтобы я училась, они хотят, чтобы я рожала детей и присматривала за ними, чтобы ухаживала за ними! А я не хочу! Я хочу учиться и быть свободной! И только ты меня понимаешь! И поэтому ты полюбился мне, Гирнгримгрон!

– Ты тоже мне стала дорога. Лишь голос твой связывает меня с внешним миром. А руки твои теплом на меня веют в этом царстве холода.

Аириа просунула в дыру ладони, а Гирн поднес к ним свое лицо, насладившись прикосновением нежных рук.

– Может все же найдется тот, кто разделит с тобой радость обучения, – говорил Гирнгримгрон.

– Мне еще не приходилось встречать подобных Эли. Даже обучающиеся мужи запрещают своим женщинам учиться.

– Наверное, они просто боятся, что будут глупее женщин.

– Не думала об этом, – вдруг улыбнулась Аириа.

– А мне было бы приятно, если в моем семействе была умная жена. Я люблю слушать женщин, а умная могла бы чему-нибудь научить меня или рассказать что-нибудь интересное.

– Я забыла тебе рассказать, что недавно узнала о великих арунах, живущих вдалеке. У них есть крылья, уносящие их вдалека за облака, а голос их подобен блаженному пению. Мне с ними встречаться не доводилось, но один странник недавно показал мне их портрет, и я была несказанно удивлена и тогда решила однажды посетить их город.

– Я и представить себе не могу таких великих летающих существ. Это звучит так удивительно. Вот и печаль твоя пропала, стоило позабыть о невзгодах. Ты не думай обо мне, продолжай учиться и постигать красоту и блаженство жизни, и тогда ты не будешь несчастна.

– А как же ты? Я не могу тебя покинуть!

– Думай лишь о себе. Ведь мне будет очень уж тоскливо, если вдруг предстоит нам с тобою расстаться, так и не повстречавшись. Но если ты меня не покинешь, я буду для тебя тягостным бременем.

Аириа тоскливо призадумалась.

– Может быть ты и прав, – неохотно твердила она, не выпуская его лицо из своих рук, – но пока мы вместе, пусть нас ничто не разлучит.

Позже Аириа отделила ударную часть кирки от рукоятки и просунула их в дыру, чтобы Гирн попытался прорубить ход со своей стороны. Но как бы усердно он ни колотил и как много сил ни вкладывал в удары, он не мог расчистить себе путь. Горная порода оказалась слишком твердой, а кирка непрочной, отчего после нескольких ударов рукоять ее надломилась.

Они продолжали свои встречи под тенью великой горы. Хоть им так и не довелось увидеться, они наслаждались общением и грезами о том, что однажды они сойдутся в объятиях. Аириа не могла обрести покой и постоянно искала способ освободить Гирна из горного плена. Он сотни раз обходил пещеру, но выхода найти так и не смог. И поэтому ему оставалось лишь слушать ее прекрасный голос и вкушать пищу, которую она ему приносила.

Непреодолимое желание встретиться с полюбившимся незнакомцем вынудило Аирию вновь решиться пробраться в глубины горы. Когда Ирао зашло, Аириа прокралась к воротам охраняемого подъемника. Издали она видела, что около платформы всегда стояли два каменных великана, а рядом ходили стражники Эли. Пробраться туда казалось невозможным. Но свои намерения Аириа осуществить не смогла, поскольку ее схватили стражники Эли, и отвели к главному стражу подъемника.

Он сидел за столом напротив нее. Она робко смотрела вниз.

– Что побудило вас нарушить строгий запрет? – сурово спрашивал страж.

Она молчала.

– Говорите! Ваше молчание вас не спасет.

– Мне просто было любопытно, – тихо молвила она.

– Любопытно? Ваше любопытство может погубить вас! Никто не смеет вторгаться в обитель подъемника! Это небезопасно!

– Это было мое решение – пренебречь моей безопасностью. Позвольте мне самой решать, как собой распоряжаться.

– Существует абсолютный запрет, и вы его нарушили!

– Отчего же существует этот запрет?

– Это для вашей же безопасности, – ответил стражник.

– А может, вы скрываете некую тайну, которой не хотите делиться с остальными?

– Это глупо. Нам нечего скрывать от остальных Эли.

– Ну, тогда позвольте мне туда спуститься и самой взглянуть.

– Там не на что смотреть, там ведут работу каменные великаны. Ваше любопытство слишком велико. Я повторю: оно способно вас погубить. Вы задаете слишком подозрительные вопросы. Все Эли знают о том, что происходит в низовьях подъемника, и никто не задается глупыми вопросами.

– Откуда я могу знать, что там творится, ведь я там не была.

– Вы что, неверны большинству? Вас постигло сомнение? Или вы больны головой?

– Нет, – одумалась Аириа. – Прошу простить мне мое любопытство.

– Вас отведут домой, и запрут там, пока вы не одумаетесь.

Так и случилось. Аириа оказалась взаперти в собственном доме. У входа стояли стражи и следили за тем, чтобы она его не покидала. Мать постоянно твердила, что это оттого, что она не желала заводить семейство и поэтому-то ее приключения окончились заточением. Аириа была в печали, поскольку не могла покинуть пределы дома и проводить долгие вечера в компании с Гирном. Ее посещали лекторы из академии, но она утратила желание учиться, ведь тосковала она по Гирну. Лекари утверждали, что вроде она абсолютно здорова и ее жизни ничто не угрожает, но ей что-то не давало покоя, но вот что – понять не могли. Аириа никому не поведала тайну о том, что там взаперти, в недрах горы ее ждет незнакомец, который ей так полюбился. Она боялась, что если кому-нибудь расскажет, то его схватят, и больше они никогда не увидятся. Спустя несколько восходов Ирао ее терзали мысли о том, что он там совсем один, изнывающий от голода, возможно, грустит или вовсе погибает. Это приводило ее в истерику, она била посуду и пыталась вырваться из домашнего заточения.

Гирн был взволнован. Он долго сидел возле расщелины, ожидая, что вот-вот придет Аириа, принесет ему еду, и подарит ласку своих теплых ладоней. Он понимал, что она может не вернуться, но желал еще хоть раз услышать ее голос. Тщетные удары обломанной киркой по твердой горной породе не приближали его к поверхности. Лишь мелкие камни разлетались по сторонам, не принося особых успехов в прорубании выхода.

Почти обессиленный, он лежал под водопадом и рассуждал вслух о том, что силы его покинули настолько, что не может он даже встать. А заточенный в узах Фа Но Эль лишь молча

ему сострадал. Гирн так устал, что, лежа за занавесом падающего потока воды, крепко уснул. Как только он пробудился, его взгляд упал на узы, в которые был закован Фа Но Эль. Он без промедления встал и начал наносить по ним удары. Узы оказались не так прочны, как камень, и после нескольких мощных ударов они треснули. Когда Фа Но Эль попытался пошевелиться, скала дрогнула, будто начала обрушаться. Он выпрямился, восстав из долгого заточения, перекрыв своим могучим каменным телом водопад, ударивший ему в спину. Он предстал перед Гирном во всем своем облики, грубо выточенном из живого камня.

– Я чувствую твердь под моими ногами! – радостно воскликнул он. – Я бы обнял тебя, аркфариец, но боюсь, что сил своих не рассчитаю и ненароком тебя раздавлю. Но знай, что нет меры, которой можно измерить мою благодарность.

Последние силы, которые смог накопить Гирн пока спал, покинули его, и он безмолвно обрушился вниз. Его поймала твердая рука, которую подставил Фа Но Эль, бережно подхватив его увядающее тело. Голод и усердные попытки выбраться наружу истощили Гирна. Он был очень плох, и, казалось, погибал, ведь многие восходы Ирао встретил, так ничего и не съев. Фа Но Эль бережно нес его на своих могучих каменных плечах. Он знал про брешь, которая связывала влюбленных, разделенных стеной Аркфариэла.

Он неустанно бил по каменной преграде, не теряя неисчерпаемых сил, которые столь долго пребывали в заточении. И каменная стена рушилась, Фа Но Эль вырывал из стен камни и выбрасывал их в сторону, расчищая путь сквозь скалистую породу. Он нанес последний удар, стена рухнула, и перед ним предстал выход на поверхность.

Выход был достаточно просторным чтобы прошел Фа Но Эль. Он положил Гирна в темный угол, а сам вышел разведать окрестности. Он окинул взором дивный горизонт, вглядываясь в давно забытые места, раскинутые под звездным небом. Спрыгнув вниз, он прошел вглубь тернистого леса, где сорвал огромный оранжевый лист с дерева трако, и вернулся, чтобы закатать в лист Гирна. По его рассказам он знал, что лучи Ирао могут ему навредить. Хоть они и выбрались во мраке ночного неба, за горизонтом близился восход. Он водрузил на свои могучие плечи завернутого в лист Гирна, и вместе они покинули глубины Аркфариэла. Когда свежесть ночного воздуха коснулась лица Гирна, он глубоко и медленно вдохнул, насладившись мгновением.

– Что это? – спросил он. – Что за дивный аромат?

– Быть может, аромат свободы, – ответил Фа Но Эль.

Звезды отражались в черных глазах Гирна. Упиваясь удивительной красотой, он вспоминал рассказы Аирии о том, как прекрасен мир за стеной, и оттого он чувствовал себя лучше, и на лице его возникла искренняя радость.

– А что это за огни там наверху? – шепотом спросил Гирн.

– Это звезды в небе горят.

– Если это вдруг мгновение моей гибели, – тихо молвил он, – то оно прекрасней всей моей жизни.

– Быть может это только начало твоей жизни, – ответил Фа Но Эль.

Они остановились у берега реки. Фа Но Эль собирал чисачи, росшие неподалеку, чтобы накормить Гирна. На другом берегу реки паслись пришедшие на водопой савагги, чья голубоватая шерсть под покровом ночи казалась серой. А из гущи леса доносились таинственное пение эринов, пушистых ночных птиц. Гирн лежал и наслаждался тем разнообразием жизни, с которым он столкнулся за пределами пещеры. Он был в восторге даже от маленьких насекомых кваев, которые мирно несли траву в свои жилища. Мир, в котором оказался Гирн, был полон жизни и тайн.

Фа Но Эль накормил его, напоил водой из каменной ладони, поднял на спину, и они двинулись дальше. Силы возвращались к Гирну, но сам идти он пока не мог. Или просто не хотел,

ведь ему было удобно лежать на теплом каменном великане. Шли они долго. Когда горизонт окрасился багровым рассветом Ирао, Фа Но Эль забеспокоился, что Гирн может быть сожжен лучами светила и поместил своего друга в просторное дупло большого высохшего дерева, а вход загородил своей спиной. Гирн оказался спрятан от лучей Ирао, ему оставалось лишь дожидаться заката, чтобы они могли продолжить свое странствие.

Ирао взошло, осветив долины предгорного Аркфариэла. Его лучи пали прямо на каменного великана, закрывающего собой большое дупло. Он был рад этому восходу, которого не видел так давно, пребывая в заточении. Он даже начал напевать одну из песен, которую однажды ему весело наигрывал Гирн.

Его пение привлекло путника проходившего мимо. Он сперва остановился неподалеку, слушая странную песню, а затем подошел поближе.

– Здравствуй, великан, – сказал путник.

Фа Но Эль притворился, что не слышит и не видит его, молча уподобившись простой скале. Путник ходил вокруг него и пристально, с глубоким любопытством осматривал, сложив руки за спиной.

– Ты, очевидно, громодор, – рассуждал тот путник. – Ты не похож на каменных великанов, ты более ранний экземпляр. Прежние громодоры, подобные тебе, выглядели более грубо, но изящно. Назови мне свое имя, будь так любезен.

Фа Но Эль не произнес ни звука. Путник еще немного постоял рядом с ним, перекатываясь с пятки на носок, а затем ушел. Вскоре он вернулся с большой сумкой разных инструментов. Он успел вернуться к тому моменту, когда мимо проходили стражи Эли в сопровождении двух каменных великанов. Один Эли подбежал к тому путнику.

– Ваше величие, – покорно обратился он, – все ли у вас хорошо?

– Все просто великолепно, – ответил путник. – Вот, завершаю свою скульптуру, посвященную былым событиям, ведь когда-то каменных великанов именовали громодорами.

– Воистину он будто настоящий, как на картинах. Мы увидели его со склона и решили, что это громодор, притаившийся в тени деревьев.

– Мне лестно, что сходство так велико и мое творение заставило вас проделать долгий путь.

– Прошу меня простить, но как вы приволокли столь большую каменную глыбу?

– Я нанял слуг, они и помогли мне в этом.

– Вам это стоило большого труда.

– Несомненно.

– Я буду рад оказать вам помощь в том, чтобы доставить скульптуру в ваше поместье.

Если вы позволите вам помочь, я сочту это за честь.

– Благодарю за любезность. Я обязательно сообщу верховному стражу о столь покорных подчиненных, он вас щедро поощрит. Но, увы, скульптуру я еще не завершил, и слуги подойдут, когда все будет готово.

– Ваше величие, – страж поклонился и ушел.

Путник подождал, пока стражи покинут окрестности, а затем вновь начал ходить вокруг большого пня, на котором сидел Фа Но Эль. Он маленьким молотком постукивал по засохшей коре, слушая отголоски пустоты. И казалось ему, что там таилось нечто.

– Интересно, – молвил путник, продолжая ходить кругами, – ты же понимаешь, что я не уйду, пока не услышу от тебя хоть что-нибудь.

– Что хочешь слышать ты? – вдруг произнес Фа Но Эль.

– А ты не глуп и знаешь, что будет, если тебя поймают.

– Ты знаешь, подобным мне не позволено беседовать с подобными тебе.

– Но ты беседуешь. Следовательно, ты уже нарушил множество запретов. Беглый громодор.

- Я не беглец, я был заточен в недрах Аркфариэла.
 - Когда тебя заточили?
 - Когда проливалась кровь невинных. Меня пытались вынудить нести погибель моим сородичам. Но я отказался, и за это был заточен.
 - Неужели? – удивился путник. – Ты бессмертный Га Ру За?
 - Нет, я Фа Но Эль. Га Ру За не был бессмертным, поэтому и просил меня быть верным ему в мятеже. Он и обрек меня на заточение за отказ ему служить. Га Ру За имел серьезный изъян и он увядал, желая при жизни затопить Эл кровью неверных.
 - Значит Га Ру За не был бессмертным? А что за изъян в нем был?
 - Его истинное нутро, сокрытое в камне, было повреждено при сборке, и поэтому он погибал изнутри. Ведь он был тем, кто обрек себя на каменный облик при жизни, не умирая. Путник задумался.
 - Такой короткий диалог с тобой поведал мне больше, чем иная долгая беседа с другими.
 - А город Эл? Он пал?
 - Все нет, он даже развит. События, в которых ты отказался принять участие, происходили очень давно.
 - Насколько давно?
 - Отец моего отца слышал от своего отца рассказы о том, как тот был участником битвы за Маздарн.
 - Маздарн пал?
 - Маздарн, Драфалюа – это лишь названия, когда-то существовавших городов. Сейчас лишь Эл раскинут в долине Аркфариэл, величественной горы, спасшей этот город от ужаса былой войны.
 - Фа Но Эль молча опустил голову.
 - Там пустошь? – спросил он.
 - Не совсем. От былого Маздарна осталось несколько руин. А вот Драфалюа полностью затоплен.
 - Так значит, мятеж Га Ру За был подавлен.
 - Мятеж Га Ру За был полностью подавлен, а восставшие города уничтожены. После войны все Эли, желающие мирной жизни, поселились в городе Эл.
 - Раз кончилась война, что это были за каменные громилы?
 - Ах, ничего серьезного, они вовсе не громодоры, просто ходячие каменные глыбы, которые в любое мгновение можно рассыпать. Они лишь сторожат подъемник и смотрят за порядком в окрестностях города.
 - А почему ты им солгал?
 - Я знал, что ты сможешь поведать мне нечто интересное. Не мог я лишиться себя такой уникальной возможности прикоснуться к прошлому.
 - А теперь, узнав что хотел, ты поведаешь им обо мне?
 - Я не могу себе этого позволить. Они, эти многие Эли, столь неумны, что могут неправильно понять такое важное явление, как ты. Я не смею настаивать, но я приглашаю тебя в свое поместье, где ты будешь сокрыт от многих, и где мы с тобой сможем беседовать, разумеется.
 - А если я откажусь?
 - Если вдруг тебя поймут, мне придется объяснять, почему моя статуя оказалась древним бессмертным громодором. Я, возможно, смогу найти себе оправдание, но я бы не желал оказаться в подобной ситуации. Ты волен поступать, как пожелаешь. Но если решишь покинуть пределы Аркфариэла, знай, что ночью стражи ходят с желтыми фонарями, и их легко отличить. А если увидишь красный фонарь, то знай, это могу быть я.
- Путник собрал разложенные инструменты в сумку, поклонился и ушел. Пока Фа Но Эль ожидал заката, его никто сильно не побеспокоил. Лишь юный жагар задремал у него на коле-

нях, а с наступлением заката пробудился, потянулся, и медленно ушел вглубь леса. Когда Ирао зашло за горизонт, проснулся Гирн и попросил об освобождении из укрытия. Фа Но Эль поднялся и обернулся к нему.

– Ты полон терпения, – кивнув, сказал Гирн, – раз смог просидеть так долго, не впуская в эту пещеру лучи Ирао.

– Сейчас во мне терпения в избытке.

– Не сомневаюсь. Я слышал вашу беседу. Похоже ты действительно долго находился в заточении, раз третий отец того незнакомца участвовал с тобой в одном событии.

– Как оказалось, было это очень давно.

– Ну и что ты думаешь делать дальше?

– Я в замешательстве.

– Я считаю, что этот незнакомец мог не утруждать себя ложью, которая не выдала нас. Может, стоит спросить у него совета, а возможно и еды. К тому же мы с тобой ничего не ведаем об этом мире. Мне здесь бывать не доводилось, а ты покинул его так давно, что все уже могло поменяться.

– Пожалуй, я с тобой согласен.

Фа Но Эль нес Гирна, взобравшегося ему на спину. Они направились на свет красного фонаря, светившего вдаль, двигаясь осторожно и тихо, чтобы не нарваться на стражей окрестности. Иногда Гирн слезал, чтобы тщательней разведать местность. Шли они долго, поскольку точной дороги не знали. Лишь красный фонарь вел их вперед. Почва под ногами Гирна казалась ему мягкой и теплой, когда он на нее ступал. Он приходил в восторг, ведь прежде ему доводилось ступать лишь по холодной горной поверхности. Глубоко вдыхая, он старался уловить как можно больше ароматов, витающих в свежем ночном воздухе.

Миновав лесную чащу, они пришли к огромному поместью, в центре которого возвышалась башня. В окне той башни ярко показался красный свет, лучи которого осветили их, стоило им выйти из леса, но затем он сразу потух. Сперва они хотели зайти на территорию, но, решив, что это может быть опасно, остановились неподалеку. Ждали они недолго. Вскоре вышел тот самый путник, держа перед собой красный фонарь.

– Ты все же решил прийти, – сказал он. – Это правильное решение, иначе долго твои скитания не продлились бы.

– Я все еще могу уйти, – ответил Фа Но Эль.

– Ты всегда можешь это сделать, но сомневаюсь, что уйдешь далеко. Вижу ты не один. Что ж, пройдемте внутрь.

Коридоры поместья были темными, огромными и наполненными тишиной, изредка прерываемой завыванием диких животных. Путник нес перед собой фонарь, а Фа Но Эль и Гирн молча шли следом. Хозяин привел гостей в просторную комнату, где переключателем зажег яркую белую лампу. Гирн сперва побоялся входить в освещенное помещение, но просунув руку и поняв, что свет безопасен, он смело шагнул внутрь. Путник погасил фонарь и сел в мягкое кресло. Он не мог отвести взгляда от Гирна, кожа которого была бледно-белой, а глаза мрачно-черными, в отличие от него самого, смуглого с белыми глазами.

– Мне еще не доводилось видеть подобных тебе, – сказал путник Гирну.

– И я не видел таких как ты, – ответил тот. – Мы вроде похожи, но вот кожа у нас разных цветов. Ты более темный, а я раньше даже не представлял насколько я светлый. Или это просто иллюзия?

– Нет не иллюзия. Ты не стой, присаживайся. Вот пища, угощайся.

Гирн сел за стол и стал брать с него все, что ему попадалось.

– Ты, громодор, в пищу не нуждаешься?

– Нет, благодарю, – ответил Фа Но Эль.

– Похоже, друг твой голоден, раз вкушает с таким аппетитом.

– Он многие рассветы встретил без еды, и даже был немного болен.

– Поведай мне о нем, не будем отвлекать его от пищи.

– Я – Гирнгримгрон, – с набитым ртом ответил он.

– Он погребенный аркфариец, миновавший глубины Аркфариэла. Он был заложником режима и стал беглым узником низшей крови.

Гирн лишь кивал головой.

– Я и подумать не мог, что этот день окажется настолько прекрасным, что я смогу побеседовать с громодором и аркфарийцем. Это просто удивительно. И да, здесь вы можете ничего не бояться, вы находитесь под моей защитой, здесь вас никто не тронет.

– Ты слишком любезен для знати.

– А что, раньше знать была напыщенной, высокомерной и казалась уродливой и лживой?

– Именно. А что, сейчас иная знать, все благородные как ты?

– Ни в коем случае, все именно так, как было при тебе. Все дело во мне, я тоже не переношу этих глупцов, считающих себя лучше остальных. Мне интересен этот мир, его устройство и великолепие. А они нуждаются лишь в собственном благополучии и самолюбии. Они чужды мне. Я из высшей знати и поэтому могу позволить себе жить отдельно от всего этого неумного сброда.

– Ты проживаешь здесь совсем один?

– Нет, со своим возлюбленным семейством.

– Большая у тебя семья, раз живете вы в таком большом жилище, – сказал Гирн.

– Двенадцать потомков и три супруги – вот и все мое семейство. И каждый из них безумно дорог мне. А жилище это, как ты его назвал, досталось мне от моего предка. Если бы мне довелось возводить поместье, оно не было бы таким большим. Я предпочитаю простоту.

– Похвально, – заметил Фа Но Эль.

– Да, быть может, спасение – в простоте.

Когда Гирн вдоволь насытился едой, он с облегчением вздохнул и откинулся на удобном мягком кресле

– А ты, аркфариец, как ты сумел покинуть пределы Аркфара?

– Я был заточен в яме покинутой пещеры. Но я бывал там так много раз, что решил покинуть ее пределы и отправиться в невиданное скитание без намерения вернуться. Скитания мои привели к водопаду, где повстречался мне Фаноэль. Он, кстати, и пробил нам проход за пределы пещеры.

– А как же ему удалось вырваться из заточения?

– Я разбил узы, сковывающие его, киркой, которую принесла мне Аириа.

– Аириа? Значит, Эли тебе помогла... Еще одна тайна, которую мне придется хранить.

– Мне не стоило называть ее имени...

– Ничего страшного, я притворюсь, что не слышал его.

– А она в отличие от тебя не знала о существовании аркфарийцев. Ей казалось, что руду добывают каменные великаны. Откуда ты знаешь про Аркфар? Тебе приходилось в нем бывать?

– Нет, все обстоит иначе. Я могу себе позволить рассуждать откровенно и поведаю эту весьма забавную, как мне кажется, историю. Большинство Эли живут в неведении того, что в недрах Аркфариэла трудится когда-то взбунтовавшийся, древний народ аркфарийцев. Никто уже и не помнит, когда это случилось. Этот народ попытался захватить власть в предгорьях и подчинить себе всю долину. Но Эли воспротивились и дали им отпор. Долго длилась та великая война, в которой многие погибли. Когда аркфарийцы были повержены, их детей заточили в недрах Аркфариэла, чтобы восстания не возникали вновь, и обрекли их на тяжкий труд в шахтах. Таким образом, народ, стремившийся к покорению, сам стал покоренным. Многие поколения Эли прожили в неведении, какая участь постигла тех, кто, когда-то стремился их

превзойти. Лишь знатные Эли знают подлинную историю Аркфариэла и передают ее своим потомкам. Однажды случилось так, что один из многих Эли, находящийся в отречении, узнав правду, решил вернуть аркфариэцам их свободу и предложил вместо них отправить в шахту созданных им громодоров, не нуждавшихся в пище. Он видел, что его творения всеильны и способны на величественные свершения. Его звали Га Ру Эль, он был обычным жителем Эл. Когда он собрал армию громодоров, то вскоре и сам заковал себя в каменные доспехи и стал называть себя Га Ру За. Он отрекся от этого мира и решил его покорить, низвергнув правление знати. Но громодоры оказались не так прочны, как пушечные ядра из Магато, и армия его хоть и была сильна, но оказалась не бессмертна. Ходили слухи, что Га Ру За был единственным бессмертным громодором, и сейчас так принято считать. Но я-то теперь знаю, что не он был бессмертным, ведь Фа Но Эль поведал мне об этом. Армия Га Ру За нанесла огромный ущерб народу Эли, разрушила Маздарн и Драфалюа. И когда была одержана победа над громодорами, их перестали так называть, и нарекли каменными великанами. Ведь слово громодор несет в себе напоминание о гибели. Когда война закончилась, Га Ру За пал, и тело его поставили на окраине Эл в память о былом ужасе. Сейчас люди верят, что если вновь начнется мятеж против знати, то Га Ру За восстанет, и уничтожит всех бунтующих Эли. Они даже не знают, что он желал уничтожить знать.

– Выходит, об этом знает только знать? О том, что происходит на самом деле?

– Да. Многие Эли не способны принять это. Ведь очевидно, что они неумны и готовы лишь к тому, чтобы всю свою жизнь провести в неведении о том, как устроен мир. Они предпочитают развлечения, вкусную пищу, красивую одежду, большие жилища и свои семейства, потомков, продолжающих слепо пользоваться дарами жизни. У них есть академия, но даже в ней не учат мыслить, лишь передают накопленные знания. Вся их жизнь – в руках знати, такой же глупой и еще более напыщенной. И если сейчас им поведают правду, то с большой вероятностью они потребуют равенства, чтобы вызволить аркфариэцев, а вместо них отправить работать каменных великанов, которые потом вновь поднимут мятеж и попытаются залить кровью Эл. Они разрушат его, как разрушили Маздарн и Драфалюа. Хотя, может они и вовсе останутся безразличны.

– Ты не доверяешь им, потому что считаешь себя лучше? – спросил Фа Но Эль.

– Нет. Я вовсе не считаю себя лучше других. Если бы я был такого мнения, я бы ни чем не отличался от остальной напыщенной знати. Я считаю, что каждый может быть лучше, чем он есть на самом деле. И вам, быть может, повезло, что вы повстречались мне, а не кому-то другому, ведь иные могли бы вас погубить.

– Что бы они с нами сделали? – спросил Гирн.

– Тебя бы казнили без промедления, а что случилось бы с бессмертным громодором, не могу себе представить. Утопили бы, наверное.

– Выходит, мы здесь чужаки?

– Скорее, вы здесь то, чего быть не должно. Ну, так сочтут другие. Я же безразличен.

– То, что ты поведал нам, может оказаться неправдой – засомневался Гирн.

– Может, ты знаешь, как проверить подлинность моих слов? – ответил путник.

– Как?

– Пойти и проверить самому.

– Думаю, стоит поверить ему, – добавил Фа Но Эль. – Я застал восстание, поднятое Га Ру За, я видел ужасы той бойни.

– И впрямь, – вздохнул Гирн, – Аириа тоже говорила, что большинство Эли неумны.

Незнакомец налил синего чая из цветов хали в чашу себе и Гирну.

– Не мог бы ты напомнить мне свое имя? – попросил он.

– Гирнгримгрон.

– Может, повторишь медленнее, а то оно слегка трудно для произношения.

– Гирн... грим... грон
– Гирн... гри... гро... стоит потренироваться.
– Да что же здесь сложного, не пойму, обычное у меня имя. Но ты можешь называть меня просто Гирн, как зовет меня Фаноэль.

– Гирн? Что ж, так гораздо проще.

– А тебя как зовут?

– Ху Ра Ил

– Хураил?

– Произносить стоит немного помедленнее, но и так сойдет.

– А как звали твоего отца? – спросил Фа Но Эль.

– Ра Су Ил. Его отца – Су Ма Ил, а его отца – Ма Ну Ил.

– Да, я его помню, Ма Ну Ил, он воевал за Маздарн. Его род был самым знатным. Когда я погибал, битва за Маздарн только начиналась. Он был единственным из знати, кто осмелился отправиться в битву и повести за собой многих, в отличие от тех, кто предпочел скрыться.

– Мой предок был одним из шести выживших в той безжалостной битве. Возможно, с него и зародился интерес к более глубокому познанию жизни других его потомков. Ведь мои предки после него отдали многое во благо Эли. Отец моего отца передал в город Эл два величайших поместья, принадлежащих нашему роду, в одном он открыл лазарет, а в другом – академию высшего понимания. Казалось ему, он совершает великое дело, и это действительно было так. Но многие Эли не смогли оценить его деяний. Сейчас в поместье лазарета открыто увеселительное заведение, где местные Эли танцуют и распивают дурманящую уйню, это отвратительное поило.

– А что стало с Академией? – спросил Гирн. – Ведь там учится Аириа.

– Нет, – возразил Ху Ра Ил, – она учится в обычной академии, где одни Эли передают знания другим. В Академии высшего понимания учили мыслить. Сейчас там располагается бойня, где Эли собираются, чтобы посмотреть на то, как они друг с другом дерутся.

– Жаль слышать это, – сказал Фа Но Эль.

– А ты разумен, раз можешь понять, что предки мои даровали им возможность лечить себя и постигать красоту жизни, а они эти дары превратили в упадок и свою медленную гибель.

– А другая знать продолжает пребывать в лучах собственного величия? – спросил Фа Но Эль.

– Именно. Я уже упоминал об этом. Им абсолютно безразличен этот великолепный мир, их волнует лишь собственное тщеславие и благополучие. И чем глупее многие Эли, тем крепче власть знати. Но это не значит, что они умнее остальных.

– И как тебе живется вдали от них?

– Вполне себе прекрасно. Я оставил всю эту суету и перевез свое семейство в это поместье, где мы живем счастливо и беззаботно. И никто нас не беспокоит.

– И что же теперь будет с нами? – спросил Гирн. – Если в этом мире мы чужаки, куда нам идти дальше? Если снаружи нам угрожает опасность, неужели нам придется вернуться в недра Аркфара.

– Не придется, – ответил Ху Ра Ил, – вы можете остаться в этом поместье, пока я не найду способ вывести вас за пределы Аркфариэла, чтобы вы могли продолжить свое скитание.

– Я благодарен за твое милосердие, – сказал Фа Но Эль.

– Я тоже, но буду еще более благодарен, если ты сможешь мне разыскать одну юную девушку, которую зовут Аириа.

– Как только настанет рассвет, я отправлюсь в город и попробую что-то узнать. А пока вы можете расположиться в одной из спален. У меня к вам одна просьба – постарайтесь сделать так, чтобы мое семейство не увидело вас. Поймите, я лишь хочу их защитить.

Ху Ра Ил проживал в таком огромном поместье, что блуждавший ночами по длинным коридорам Гирн, порой забывал в какую сторону ему стоит пойти, чтобы вернуться в комнату, где жил он и Фа Но Эль. Ху Ра Ил вывез из поместья все свое семейство и отправил их погостить к матери одной из его супруг, жившей в еще большем поместье. Он уходил в город Эл, чтобы узнать про Аирию, но поиски, длившиеся несколько рассветов Ирао, не были успешны, ведь город был огромным. Когда он блуждал среди узких улиц, тянувшихся вдоль застроенных кварталов, некоторые жители узнавали его и низко кланялись, отдавая почести знати. Он в ответ лишь улыбался и говорил, что делать этого не надо и дружелюбно жал руки.

Аирия отказалась от еды. Встречая рассветы и закаты в заточении, она впала в отчаяние. Она была умна, и ей порой казалось, что поступает неразумно, тоскуя по полюбившемуся незнакомцу, с которым она так и не встретилась. Но, как бы она ни старалась его позабыть, ей было трудно отрицать то, что с ней он был не тем, кем были остальные. Она пыталась сбежать из собственного дома, ставшего для нее обителью заточения. Но стражи не покидали порога. Ни лекари, ни профессора ничего не могли поделать, чтобы вырвать девушку из уз тоски и печали.

Когда восходило Ирао, Гирн укрывался за шторами в темных комнатах поместья, чтобы лучи не могли его настичь. Ночами он смотрел в широкое окно, в котором, к его удивлению, мог увидеть больше, чем за всю свою жизнь, проведенную в пещере. Он видел за окном деревья, склоняемые порывами ветра. Видел, как с их ветвей взлетают тени неведомых птиц. Звезды и планеты, блаженно нависшие в просторах ночного неба, тьма, сквозь которую пробивался звездный свет – все это безмерное пространство, раскинутое за пределами окна, приводило его в восторг. Он больше не был узником пещеры скованной стенами. Отныне над ним простирались бескрайние небесные просторы.

Фа Но Эль был рядом. Оба они оказались чужаками в том мире, куда сбежали, и были в нем одиноки, ведь все, что когда-либо связывало их с прошлым, осталось позади. И другого пути у них не было. Ху Ра Ил был милосерден к ним и позволил остаться в своем поместье. Они понимали это и были ему благодарны.

Когда Ирао зашло за горизонт, Ху Ра Ил пришел в поместье. Стоило ему войти внутрь и закрыть большую дверь, как мгновение спустя за ней раздался стук. Он приоткрыл. Снаружи стояли несколько стражей, окруживших одного из представителей знати, которого звали Су Ка Ил.

– Приветствую, достопочтенный, – сказал он, а стражи низко поклонились.

– Здравствуй, Су Ка Ил.

– Позволишь ли войти?

– Препятствовать не стану.

В поместье сперва вошли стражи, а следом за ними представитель знати.

– Как поживаешь ты?

– Вполне себе отлично.

– Ты что, отныне вовсе одинок и семейство свое выслал?

– А ты собственной жизни лишен, раз наблюдаешь за моей?

Су Ка Ил надменно на него посмотрел.

– Не доводилось ли тебе слышать о странном и весьма интересном явлении, которое обнаружили стражи совсем недавно?

– Ты знаешь, слухи мне не интересны. Раз ты упомянул об этом, то поведай.

– Брешь в предгорье Аркфариэла.

Ху Ра Ил сделал вид, что удивился.

– Такого никогда не было. Но всякое может случиться, может, гора содрогнулась.

– Я бы мог рассуждать подобным образом, если был лишен иных сведений. Мне довелось побеседовать с Арк Ханесом, который поведал мне о заключенном, не вернувшемся из зато-

чения. Его не нашли ни в яме, ни в Аркфаре, он просто пропал. А внутри той брешки, мы обнаружили находку куда интересней пропавшего аркфариийца...

– И что же это?

Су Ка Ил громко хлопнул в ладоши, призвав стражей.

– Уйдите прочь, дайте нам уединение.

Стражи вышли из помещения и закрыли за собой дверь.

– Им не стоит слышать того, чего не стоит знать.

– Так было всегда.

– Так вот. Мы обнаружили там место покинутой реликвии, оставленной предками мятежа.

– Мне о подобном слышать не приходилось, – Ху Ра Ил удивился.

– Ты знаешь, что после бунта ничтожного большинства, когда твой предок Ма Ну Ил едва ли не отрекся от своего титула знати, его лишили некоторых привилегий. Одной из них было знание о том, что в недрах Аркфариэла заточен единственный неистовый и бессмертный громодор. И вот отныне он пропал.

– Ты решил дразнить меня? Или действительно, вся знать об этом знает, а я нет?

– Ты, как и твой предок, выбрал отчуждение.

– Если этот громодор сбежал, то, возможно, он опасен?

– Не знаю, мне встречать его не доводилось, я просто знал о его существовании и не имел намерения даже на него взглянуть.

– Ну, ты, как и прочие, был занят самолюбованием.

– Не забывай, мы не просто прочие, мы верховная знать, правящая здесь от вершины Аркфариэла и до самых глубоких недр Аркфара.

– Ой, простите, ваше величие, – Ху Ра Ил иронично поклонился в знак презрения. – Позвольте мне узнать, с какой великой целью вы пожаловали в мое пустынное поместье?

– Глупец! – недовольно вякнул Су Ка Ил. – Я пришел к тебе узнать, не скрываешь ли ты в своей обители возможных беглецов – аркфариийца и громодора?

– Это я-то глупец?! Неужели ты не в силах понять: как я могу укрывать тех, о существовании которых узнал от тебя мгновение назад?

– Я не глуп, я вижу слишком много совпадений. После их пропажи тебя стали часто видеть в Эл, и семейство ты отсюда вывез. И стоит, наверное, упомянуть, что ты чуждаешься остальной знати. Это и стало основой подозрений.

– Знаешь, ты прав, – иронизировал Ху Ра Ил, – я слишком долго пребывал в покое от знати, что, увидев беглую каменную глыбу, решил приютить ее в моем поместье. Глыбу, которая убивала подобных мне в великом мятеже.

– Ху Ра Ил! – воскликнул Су Ка Ил. – Скрываешь ли ты в своем поместье беглого громодора и аркфариийца?

– Да! У меня их целое поместье этих беглых громодоров и аркфариийцев. Пойдем, я тебе покажу, где я их прячу.

– Пойдем, пойдем. Я проведу обыск, сейчас моя стража войдет, и мы обыщем твоё поместье.

– Нет, не получится, лишь высший страж способен просить о подобном, а если ты проведешь обыск без моего согласия, тебя ожидает позор высшей степени. Ведь я расцениваю это, как безосновательное вторжение и унижение моего титула. Если хочешь осмотреть мое поместье, пройдемся же по нему как старые друзья.

Су Ка Ил очень дорожил своим положением и не мог себе позволить стать опозоренным.

– Ты мне не друг, – высокомерно ответил он. – Раз желаешь ты прошение высшего стража, да будет так. Знай же, если тебя уличат в сокрытии врагов знати, все твоё семейство и тебя ожидает погибель.

– Не смей угрожать мне! – рассердился Ху Ра Ил. – Если я узнаю, что ты решил меня подставить и отнять мои владения, то я обращу тебя в прах.

– Да что ты можешь сделать? – усмехнулся тот в ответ. – У тебя даже стражи нет.

– У меня нет стражи, ибо страха я лишен. И если узнаю, что ты угрожаешь моему семейству, брошусь на тебя подобно разъяренному зверю, как свирепый шахил.

– А бояться тебе стоит, ведь семейство у тебя большое.

– У меня оно есть, и я его люблю. А что любишь ты?

Су Ка Ил, ничего не сказав в ответ, покинул поместье, задрав голову кверху. Ху Ра Ил смотрел в окно, как он со своей свитой покидал пределы владений. Когда они скрылись за горизонтом, Ху Ра Ил отправился к скрываемым врагам знати. Его терзали опасения, что кто-нибудь узнает о спрятанных в его поместье беглецах. Но несмотря на угрозу, он продолжал им помогать, поскольку знал, что кроме него никто им не поможет.

Фа Но Эль вслух читал множество рукописей, написанных о былых событиях и по разным техническим наукам. Ху Ра Ил собрал в своем поместье большую библиотеку, из которой гости почти никогда не выходили. Хранилище знаний стало для них пристанищем. Гирн вкушал еду, которую ему приносили, и слушал лекции, которые ему читал Фа Но Эль. Он еще никогда не получал столь великого удовольствия от жизни, ведь у него была еда и полезные и интересные знания. Но его беспокоило, что Аириа ему неведома, ведь она затерялась где-то среди других Эли, к которым идти было опасно.

Однажды, когда Ху Ра Ил проводил теплый вечер с возлюбленным семейством, его поместье, где скрывались Фа Но Эль и Гирн, окружила верховная стража, которой командовали Су Ка Ил и его свита. Верховный страж был напуган авторитетом, которым обладал Су Ка Ил. Он настоял на том, чтобы осмотр провели без участия владельца поместья, и Ху Ра Ил остался в неведении. Стража осматривала каждый угол огромного здания. Фа Но Эль и Гирн затаились там, где их искать никто бы не стал – в библиотеке, за потаенными сдвигающимися шкафами. Стражи лишь мельком обошли библиотеку, не всматриваясь пристально в мебельные убранства. Когда осмотр был завершен, Су Ка Ил пребывал в ярости, ведь получалось, что он запятнал себя позором клеветы, которую возвел на представителя знати. Своей свите и верховным стражам он приказал молчать о содеянном, и никто не смел ему противиться. Хоть верховная стража и была создана для контроля за порядком среди Эли, включая верховную знать, все же негласно, подчинялась она авторитету властителей города Эл. Все об этом знали, но никто не мог возражать.

Узнав о случившемся, Ху Ра Ил задумался над тем, как побыстрее вывезти своих подопечных за пределы долины Аркфариэл. В городе он нашел у одного торговца старый грузовик. С виду тот был ржавый, и казалось, что уже не способен передвигаться, но двигатель и ходовая часть были вполне в рабочем состоянии. Под покровом темной ночи он подъехал к своему поместью. Фа Но Эль и Гирн забрались в кузов. Ху Ра Ил накрыл их плотной тканью и сел за руль. Двигатель загромычал, колеса закрипели, и они отправились в путь.

Машина почти касалась дороги, по которой они ехали, поскольку Фа Но Эль был тяжелым, и от этого грузовик просел. Поэтому Ху Ра Ил не мог съехать с дороги и увезти их по полю, где его никто бы не увидел.

Той ночью небо содрогнулось и лил проливной дождь. Укрытый тканью Гирн, высунув голову, наслаждался тем, как по его лицу били капли дождя, но Фа Но Эль засунул его обратно, чтобы никто не смог их увидеть. Тяжесть каменного пассажира оказалась настолько велика, что ветхая и проржавевшая рама грузовика не выдержала нагрузки и сломалась. Кузов упал на колеса, и грузовик с грохотом и скрипом остановился. На мгновение повисла тишина. Слышался лишь раскат грома и звуки проливного дождя. Ху Ра Ил вышел из кабины и, схватившись за голову, подошел к кузову. Не успел он промолвить и слова, как за завесой дождя заго-

релись фонари. К ним подъехал грузовик верховной стражи, из которого вышел один из ее представителей.

– Что у вас случилось? – спросил стражник.

– Ничего страшного, – ответил Ху Ра Ил, – грузовик не выдержал веса скульптуры и рухнул.

– Ваше величие, – страж поклонился, – не мог себе даже представить, что повстречаю вас при подобных обстоятельствах.

– Да, я вот вез свою скульптуру в Эл.

– Но ваше величие, город в другой стороне.

– Похоже, я не туда свернул.

Из грузовика вышел верховный страж в сопровождении своих подчиненных.

– Ху Ра Ил, – поприветствовал он, – что ты здесь делаешь?

– Стою, как видишь, под дождем и мокну.

– Со мной ты можешь разговаривать иным тоном, не столь очевидным.

– Слушай, Му Со Ил, мой грузовик сломался, ты и сам это прекрасно видишь. А я вот стою и смотрю на него, раздумывая о том, что делать дальше.

– Меня не смущает, что ты стоишь тут под покровом ночи и дождя. Меня смущает грузовик, которым ты, по всей видимости, управлял. Почему ты, представитель знати, пользуешься подобным нищенским видом транспорта? Ведь ты имеешь возможность перемещаться верхом на слугах.

– Пойми, я не из той знати, что любит себя и превозносит свои персоны выше остальных. Я простой, я обычный.

– Ну все, достаточно, я слышал это много раз. Лучше покажи нам, что ты везешь. Я как верховный страж могу тебя об этом просить.

– А, это моя скульптура громодора, которую я высек из живого камня в знак о былом мятеже.

– Скульптура из живого камня?! И ты перевозишь ее на этой развалившейся железной телеге?!

Му Со Ил стремительно подошел к кузову, лежавшему отдельно от кабины, и скинул брезентовую ткань. Он прикоснулся к каменной скульптуре, которой на самом деле был смиренно лежавший на правом боку Фа Но Эль, поджавший под себя свои каменные колени. Почувствовав тепло, верховный страж был крайне удивлен.

– Неужели ты не боишься разбойников?! – воскликнул он. – Ведь они могли остановить твой грузовик и похитить столь ценный груз! Это же не просто скульптура, это огромный кусок живой руды, который у тебя могли украсть.

– К моему счастью, наша доблестная стража настигла меня раньше, чем разбойники, с вами мне бояться нечего. И я специально выбрал неприметный и обветшалый транспорт, чтобы не привлекать внимания недругов.

– А как же ты водрузил его на грузовик?

– Мне пришлось нанять нескольких слуг. Они поднимали скульптуру, покрытую тканью, и не видели, насколько ценным является груз.

Гроза утихла, и дождь прекратился. Стражи уже не беспокоились о том, что промокнут, и не торопились покидать место, где развалился грузовик.

– Интересно, – задумался Му Со Ил, – а почему скульптура изображена в такой позе? Этот громодор будто что-то скрывает или чего-то боится.

– Боится, – иронично перебил Ху Ра Ил, – безудержного и неистового возмездия знати.

– Неужели?! – рассуждал Му Со Ил – Отрешенный от знати и почестей Ху Ра Ил изображает страх величия того, что искренне презирает и чего сторонится. Мне кажется, или в воздухе и вправду витает ложь?

Он подошел так близко, что Ху Ра Ил смог увидеть в его глазах долю искреннего сочувствия и понимания.

– Я вижу его, – Му Со Ил говорил так тихо, что слышал его лишь Ху Ра Ил. – Он спрятался за кабиной, бледнолицый, трепещущий от страха беглый рудокоп.

Ху Ра Ил пребывал в замешательстве, но продолжал попытки сохранять спокойствие.

– А теперь я вижу твой страх, – шептал ему Му Со Ил. – Ты боишься не за себя, а за свое семейство. Я не мог поверить, что ты можешь пойти на сокрытие беглецов, когда вторгся в твои владения. Прости, но теперь ты понимаешь, что я чувствовал, когда Су Ка Ил пришел ко мне просить о досмотре твоего поместья и намеками угрожал мне негласной расправой с моим семейством. Ох, как бы я его растерзал тогда, если бы был одинок. Даже мы, зная, подобны многим, и мы способны сострадать. Но такие, как Су Ка Ил, слишком поддельны и убоги для сострадания...

– Что дальше? – с трудом спросил Ху Ра Ил.

– Если я тебя помилую и останусь безразличным к твоему деянию, то могу поплатиться жизнью за предательство знати. Но мы с тобой знакомы с самых наших юных дней. Как я могу схватить тебя и предать безжалостному суду этой... мрази. Я всегда видел в тебе того, кто способен указать путь к свету в терниях этой знатной и ничтожной тьмы, сгустившейся над Аркфариэлом.

– Так почему же ты молчал, испытывал к ним отвращение?

– Сейчас, увы, не тот момент, когда я могу перед тобой оправдываться за то, что я потомок верховного стража и должен защищать это отрепье.

Один из стражей, осматривая окрестности, обнаружил за кабиной бледнокожего Гирна, тщетно пытающегося скрыться. Ему сперва показалось, что это обычный Эли, но, подойдя ближе и взглянув в его черные глаза, он устрасился.

– Ваше величие! – испуганно воскликнул тот страж, направив на Гирна заряженный карабин. – Кажется, я нашел беглеца! Он такой уродливый!

Другие стражи, приготовив оружие, стали окружать кабину, целясь в него из карабинов и револьверов.

Гирн сидел на сырой дороге, прижавшись к отвалившейся кабине, и своими черными глазами, в которых отражались звезды, глядел на окруживших его стражей. Те пребывали в смятении, ведь им не доводилось видеть подобных беглому рудокопу. Некоторые даже боялись. Стоя возле кабины, Ху Ра Ил понимал, что отныне проблем ему не миновать. Му Со Ил достал из кобуры револьвер и направил в него. Он смотрел на него взглядом, в котором Ху Ра Ил распознал искреннее сострадание.

– Ты имеешь отношение к этому беглецу? – спросил Му Со Ил, сдерживая эмоции.

Ху Ра Ил, храня молчание, лишь отводил свой взгляд. Мгновение висела тишина, и лишь вдали слышался нарастающий раскат грома. За спинами стражей возник огромный силуэт поднявшегося громодора. Единственный страж, стоявший напротив, указал на него трясущейся рукой, и остальные обернулись. Фа Но Эль издал громкий устрашающий гул, перерастающий в свист и разносящийся по всей округе. Стражи дрогнули от страха, некоторые, выронив карабины, бросились бежать. А оставшиеся начали стрелять, но пули были бессильны против каменного обличья неистового громодора. Они лишь отскакивали в сторону, не оставляя даже царапин. Недолго длилась тщетная перестрелка: карабины быстро опустели, и стрелять уже было нечем. Один из стражей бросил карабин и убежал в поле, остальные начали медленно отходить к своему грузовику. Фа Но Эль поднял отвалившийся кузов, а затем обрушил его на их грузовик. Раздался грохот и треск бьющегося стекла, грузовик разбился и от безысходности остальные стражи пустились в бегство. Из верховной стражи на дороге остался лишь Му Со Ил, выстреливший все пули в воздух.

Даже Ху Ра Ил был напуган, услышав тот устрашающий гул, который издавал Фа Но Эль.

– Это просто потрясающе, – тихо молвил Му Со Ил, – мне прежде не доводилось ощущать ничего подобного. Этот страх невиданного и непознанного ужаса.

– Уходи прочь! – воскликнул Фа Но Эль. – Иначе я обрушу мой гнев на тебя.

– Я вывезу твое семейство, – сказал Му Со Ил, – жди меня у пика багрового камня.

– Помогая мне, – ответил Ху Ра Ил, – ты рискуешь потерять все.

– Ты рискнул ради незнакомцев. Я попробую рискнуть ради тебя, с кем знаком уже давно. Я заберу наши семьи и мы вместе покинем Аркфариэл.

Му Со Ил в спешке покинул дорогу и устремился вдаль по полю.

Ночь становилась спокойной, раскаты грома прекратились, но Ху Ра Ил был неспокоен, он глубоко вздохнул, подумав о своем возлюбленном семействе, искренне за них переживая. Гирн и Фа Но Эль стояли рядом и ждали, когда он им скажет, как быть дальше, но он молчал, глядя на темный горизонт.

– Хураил, – промолвил Гирн, – что дальше?

– Вы это... – ответил он, – вы идите туда, где обрывистый склон. Там вы покинете долину Аркфариэл и будете свободны.

– Нет, – возразил Фа Но Эль, – мы не можем тебя покинуть.

– Все в порядке. Я отправлюсь к пику багрового камня, дождусь там свое семейство, и вскоре мы покинем Аркфариэл вслед за вами.

– Ты думаешь, этот страж выполнит данное обещание.

– Думаю, да. Он близок мне, мой давний приятель, но в это мгновение он оказался еще ближе, чем я предполагал.

– Вместе нам будет проще, – добавил Гирн. – Ты сможешь нам указать правильный путь, а мы будем с тобой, пока ты ждешь свое семейство, и затем мы все вместе двинемся в путь.

– Что ж, думаю, это будет разумно.

Они вместе двинулись к пику багрового камня. Путь туда был не близок, и добрались до туда лишь в преддверии восхода Ирао. Они затаились в темной пещере, где Гирн мог укрыться в тени. Он, слегка выглядывая из-за каменного угла, смотрел, как лучи Ирао наполняют светом горную долину. Он все еще опасался их сжигающей, как ему казалось, силы. Когда Ирао поднималось над пиком багрового камня, его лучи отражались в небольшом озере, омывающем берега багровых кристаллов, которые разносили свет по всей долине багровым сиянием. Гирн был в восторге от увиденного, но стоило его глазам коснуться света, он испытывал едва терпимую боль, и закрывая их холодными ладонями, он укрывался во тьме.

Ху Ра Ил оставался безмолвен, он сидел в стороне и с надеждой смотрел за горизонт, ожидая свое семейство. Лишь иногда к нему подходил Фа Но Эль и, глядя на него, понимал, что тот беспокоится о своем возлюбленном семействе.

Когда Ирао заходило за горизонт и всюду нависала тьма, усыпанная звездным светом Гирн покидал пещеру и отправлялся на поиски пищи. С ним уходил и Фа Но Эль, а Ху Ра Ил оставался дожидаться свое семейство. Блуждая среди кустарников и зарослей в поисках съедобных фруктов, Фа Но Эль обнаружил, что они находятся неподалеку от того места, откуда покинули недра Аркфариэла. Гирн и вовсе его не узнал, ведь тогда он был обессилен. Подходить близко они не стали, опасаясь, что там их могут поджидать стражи. Когда Ху Ра Ил об этом узнал, он выразил полное безразличие.

Спустя несколько восходов Ирао, он будто отчаялся. Не покидая багрового пика, он преданно ждал. Его терзали опасения, что с его возлюбленным семейством могла произойти беда. Когда ждать уже не было сил, он подошел к пещере, где сидели Фа Но Эль и Гирн и попросил их лишь об одном...

– Дождитесь моего семейства. Если мои возлюбленные жены и дети вдруг придут в мое отсутствие, то защитите их. А сам я отправлюсь им навстречу.

– Мы будем ждать! Пока у нас есть пища! – воскликнул Гирн – А потом мы сгинем с голоду на этом пике, и дожидаться будут наши мертвые тела. Вернее, мое тело и Фаноэль.

– Ступай, – добавил Фа Но Эль, – иначе эти муки не оставят тебя в покое.

Ху Ра Ил в спешке отправился в путь.

Небо было затянуто тучами, сквозь которые едва пробивался свет Ирао. Ху Ра Ил вошел в широкий сад, окружающий поместье. Его колени содрогнулись и по щекам потекли слезы. Поместье было сожжено. На заднем дворе, куда он пришел, был повешен Му Со Ил. Рядом лежали несколько завязанных мешков с трупами. Он упал перед ними на колени и, медленно развязав один из мешков, свирепо заревел, увидев в нем бездыханное тело одной из своих возлюбленных дочерей. Он провел дрожавшей ладонью по охладевшей коже, будучи не в силах поверить в ее гибель.

Все его семейство было казнено верховной знатью. Когда они узнали, что он замешан в бегстве рудокопа и громодора, Су Ка Ил немедленно издал указ о казне его семейства. После великого бунта против знати было решено казнить всех, кто противится верховным правителям. Су Ка Ил считал, что не только Ху Ра Ил, но и все члены его семьи были замешаны в сокрытии преступников и возможном сговоре. Но те об этом ничего не знали. Они мирно спали, когда стража окружила поместье и без объявления приговора подожгла дом. Когда дочери и жены покидали охваченное огнем здание, их расстреливали. Му Со Ил не успел их спасти, но он был единственным, кто стрелял в стражей, и за это был сам расстрелян, а затем с позором повешен.

Ху Ра Ил понимал, что причиной гибели его семейства были суровые законы Эл, которые не допускали сопротивления режиму. Боль, пронзившая его нутро, пробудила в нем ненависть ко всем, кто был причастен к этому бесчинству. Он ненавидел знать за то, что они убили его возлюбленных, он ненавидел стражу и даже трусливых жителей Эл, которые не встали на их защиту, ведь Эли были убеждены, что стража делает все правильно. Но больше всего, он ненавидел и презирал себя за то, что не смог их защитить.

Ему было тяжело развязывать мешки и смотреть на лица своих любимых. Его скорбь становилась сильнее с каждым разом, когда он смотрел на их лица, на которых больше не будут светиться очаровательные улыбки. Увидеть всех было для него долгом. Надежда, что выжил хоть кто-нибудь, рухнула, когда он убедился, что в живых не осталось никого, кто был ему дорог.

Там, на заднем дворе, вместе со своим возлюбленным семейством умер прежний Ху Ра Ил, который любил и страдал. Тот рассвет Ирао, скрывающийся под толщей туч, был для него закатом всей жизни. В нем все поггло. Он лег рядом со своим семейством, желая лишь своей скорой гибели. Боль, пронизывающая его в то мгновение, была страшнее смерти. И даже его свирепые возгласы не в силах были ее извергнуть.

Пронизанный болью и ненавистью, он покинул сад, и отныне, его вела лишь жажда мести. Пробравшись в свое поместье, в котором он скрывал беглецов, он взял в кабинете карабин и устремился к центральному входу, где его поджидали двое стражей. Без доли сомнения, он безжалостными выстрелами излил на них свой гнев. Стражи рухнули на пол, даже не успев достать оружие. Он сел в свой шестиколесный транспорт, завел рычащий двигатель и, нажав на педаль, стремительно выехал из гаража. Снаружи ожидали выстроившиеся в ровную шеренгу стражи. Они стреляли в него без предупреждения, пули миновали его, попадая то в кузов, то в сиденье. Он не страшился смерти и не уклонялся от выстрелов. Он въехал прямо в их строй, и стражники разлетелись в разные стороны, один зацепился за капот. Ху Ра Ил резко затормозил, сбросив стражника на дорогу, а затем проехался по нему. В след за ним поехали несколько грузовиков стражи. Погоня была безуспешной, поскольку его транспорт был гораздо быстрее.

Вернувшись на пик багрового камня, где его ожидали Фа Но Эль и Гирн, Ху Ра Ил вошел в пещеру и приблизился к ним. Ему трудно было на них даже взглянуть, ведь ему казалось, будто и они были виновны в гибели его любимых. Но он понимал, что это не так. Увидев, что он пришел один, они все поняли.

– Неужели...

– Я от вас лишь одного прошу, – с трудом произнес он, – выполните мою просьбу.

– Проси все, что пожелаешь.

– Мы скроемся с вами там, откуда вы пришли. Я буду ожидать стражу в том ущелье, а вы затаитесь снаружи. Когда стражники войдут за мной в пещеру, вы завалите ее камнями.

Ху Ра Ил ушел, не дождавшись ответа. Он стоял у входа, пристально всматриваясь в лесную чащу и ожидая, когда стражники Эл его настигнут. Пока Ирао светило, Фа Но Эль наблюдал за ним, стоя позади скалы. После заката к нему присоединился Гирн. Ожидая возмездия, Ху Ра Ил не пролил слез, лишь сурово и безнадежно смотрел за горизонт.

– Он вернулся абсолютно другим, – шептал Гирн.

– Похоже, его семейство погибло, – тихо ответил Фа Но Эль

– А почему погибло его семейство? Они ведь даже не знали о нашем присутствии.

– Одной из причин бунта против знати, который я застал, были жестокие убийства. Былая знать не позволяла подобным мне обучаться или посещать академии. Эль были лишены многого, а самое главное – равенства и свободы. Однажды юные и избалованные представители знати решили развлечься и отправились в город отстреливать Эль. Стража не смела противиться их воле. Многие погибли в ту кровавую ночь. Но ни один из убийц так и не был наказан. Жители Эл пребывали в страхе, что однажды придут охотиться и на них. Но когда появились каменные великаны, провозгласившие себя великими воинами за свободу – громодорами, – у жителей появилась надежда. Каменными великанами, как правило, становились представители Эль, – это большинство жителей горда Эл, – и я один из них. И поэтому знать содрогнулась. Но и у нее тоже были сторонники, самым главным из которых был страх, который она внушала большинству Эль. В итоге знать одержала победу, и многие сочли это приходом к равенству. Но, увы, знать по-прежнему пытается отстоять свою власть. И вот сейчас его семейство стало жертвой этого невежества.

– У нас, там внизу, все как-то попроще, – возмущившись, ответил Гирн.

Из-за леса показались фонари, движущиеся в сторону беглецов. Ху Ра Ил прицелился, выжидая, пока стражи приблизятся. Его не было видно, он скрылся во мраке пещеры. Когда он открыл огонь, выстрелы освещали его разъяренное лицо. Несколько стражей пали, выронив светившиеся фонари. В ответ раздались сотни выстрелов, ударивших в каменный покров горы. Ху Ра Ил даже не пытался увернуться, лишь продолжал стрелять и перезаряжать карабин. Когда патроны закончились, он вышел наружу и бросил пустой карабин в стражей, а затем вновь скрылся во мраке пещеры.

Выждав момент, стражи стали окружать вход. На мгновение выстрелы затихли, а затем несколько стражей ринулись в пещеру. Со скалы прыгнул Фа Но Эль и, издав устрашающий гул, начал закидывать внутрь тех, кто оставался снаружи. Из пещеры доносились выстрелы, но пули были бессильны против каменного облачения. Стражи, оказавшиеся в пещере, тщетно пытались отстреливаться. Фа Но Эль ударяя по стенам пещеры, обрушил вниз огромные валуны, завалившие выход. Большинство стражей оказались погребены под тяжелой каменной толщей. Другие остались наедине с разъяренным зверем, поджидающим их во мраке. Ху Ра Ил был неистов, он напал на стражей, оказавшихся беззащитными в его западне. Во тьме раздавались выстрелы и предсмертные возгласы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.